

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

ВОЛКОВ

ГИМНАЗИЯ №6

Валерий Пылаев Волков. Гимназия №6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69837775

SelfPub; 2023

Аннотация

Герой, воитель, спаситель, защитник обездоленных, рыцарь без страха и упрека?.. Ничего подобного. Колдун, чернокнижник, оборотень – вот как меня называли. Чего уж тут скажешь – репутацию я и правда заработал весьма своеобразную. Даже среди себе подобных. Но как не помочь старым коллегам – особенно когда весь мир катится под откос? Если бы я тогда знал, чем все это закончится! Крохотная ошибка в ритуале – и вот я уже в чужом мире. На дворе 1909 год, миром правят наделенные Талантом аристократы, а из Прорывов прямо на улицы Петербурга лезет всякая нечисть. Ни друзей, ни знакомых, ни денег, ни титула – только непривычное тощее тело, фуражка гимназиста и жалкие остатки прежних способностей. Впрочем – какая разница? Работа есть работа.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	66
Глава 8	76
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Валерий Пылаев Волков. Гимназия №6

Пролог

Утро не задалось с самого начала. Сперва выбило автоматы во всем доме, потом забарахлил газовый котел, и даже кофемашина попыталась взбунтоваться, выдавая в кружку вместо привычного ароматного напитка что-то невразумительное. По отдельности все это вполне могло и не значить ничего особенного, но вместе... Я уже давным-давно научился чувствовать крупные неприятности заранее – но пока еще не утратил умения надеяться, что все непременно закончится хорошо. Что на этот раз точно пронесет – а там уж как-нибудь наладится...

Нет. Точно не наладится: к обеду признаки надвигающегося пушистого зверька достигли такого размаха, что их почувствовал бы любой, даже самый обычный человек. Воздух пах озоном, как после грозы, – только на небе уже вторые сутки не было ни облачка.

А после обеда сработали сторожевые чары на периметре. Я даже не стал смотреть на индикаторы, почувствовал и так. Сначала едва уловимую вибрацию в эфире, а потом и кое-что посильнее: чужое присутствие. Да еще какое – незваные

гости не прятались, будто возвращались в свой собственный дом, а не приперлись без приглашения. Поэтому я и вычислил их почти сразу, еще от шлагбаума. Даже до того, как вдалеке послышался шум мотора и над соснами с карканьем взлетела стая ворон.

Еще километр-полтора по извилистой грунтовой дороге – на такой не очень-то разгонишься. Вполне достаточно времени, чтобы удрать... или подготовиться драться.

Впрочем, зачем? Не то чтобы я был так уж рад неожидан-но-негаданно нагрянувшей компании – но все-таки через лес к дому ехали те, кто вряд ли желал мне зла. Не друзья, конечно. Уже очень, очень давно не друзья.

Но и не враги.

Здоровенный черный джип – похоже, «Ленд Крузер» какой-то из свежих моделей – остановился у гаража рядом с моей «Нивой». Ровно, аккуратно, почти бампер в бампер – можно сказать, вежливо. Водитель распахнул дверь и выбрался наружу. Негромко выругался, попытался стряхнуть грязь с ботинок, но потом махнул рукой и зашагал к дому. Двое остались в машине. Я не мог разглядеть их – просто знал, что они там, внутри, прячутся за тонированными стеклами. Младший, кажется, даже попытался сообразить что-то вроде заговора для отвода глаз.

Дилетанты.

Не то чтобы мой бывший шеф всюду таскался со своей... компанией. И вряд ли он так уж опасался встретиться со

мной в одиночку, но отчаянное положение требовало отчаянных мер – видимо, «группа поддержки» понадобилась для чего-то особенного. На лестнице раздались тяжелые шаги, и я запоздало подумал, что надо было встретить гостей внизу, а не ждать, пока они натащат в дом грязи. Или хотя бы усесться за стол. Или...

Ничего не успел – когда дверь распахнулась, я так и стоял посреди кабинета с недопитой чашкой кофе в руках.

– Здравствуйте, Илья Иванович.

– Ну здравствуй, Сережа. – Шеф огляделся по сторонам. – Вижу, обжился уже... Обставился.

Дурацкое начало. Для любого разговора – и уж тем более для серьезного. Дорога от Москвы до моей глуши занимает часа полтора, не меньше, даже если гнать. Времени было достаточно, но шеф так и не придумал ничего лучше, чем называть меня именем, которым я не пользовался уже лет тридцать – с тех самых пор, как наши дорожки разошлись окончательно.

И до чего же ему было неудобно... и неприятно – и в ситуации, и в кабинете, и даже в собственном костюме. Впрочем, в этом я его как раз понимал: за неполную сотню лет вполне можно научиться носить двойку или тройку и правильно подбирать рубашку, галстук и даже носки, но вот привыкнуть – вряд ли.

Чужое оно для нас, и своим не будет, видимо уже никогда. Шеф давно стригся в модных московских салонах, брился

чуть ли не до зеркального блеска и всячески пытался подчеркнуть собственную современность – иногда даже удачно. Но стоило чему-то пойти не так, и весь напускной лоск последних десятилетий тут же слетал с него, как шелуха.

Когда шеф принялся теребить ворот, я не выдержал и все-таки пришел на помощь:

– Давайте сразу к делу, Илья Иванович. Насколько все плохо? В смысле – если уж вы решили обратиться ко мне...

Шеф недобро зыркнул из-под кустистых бровей, но ответил спокойно, без злобы. Явно уже сообразил, что шила в мешке не утаишь – все равно придется достать его наружу и совместными усилиями сообразить, что тут можно сделать.

Если вообще можно.

– Насколько... Настолько, Сережа, – вздохнул он. – Ты будто новости не смотришь.

– Даже соцсети читаю, Илья Иванович. – Я попытался сострить, но вышло, похоже, так себе. – А если конкретнее?

– Если конкретнее – самолеты уже в воздухе. Время полета до границы – сорок пять минут.

Выходит, кофемашина-то не зря бунтовала...

На мгновение проняло даже меня, да так, что все внутренности скрутило узлом, а небо где-то высоко над крышей чуть ли не в прямом смысле сжалось в овчинку – и застыло намертво. Ослепительно-синим ломтиком привычного бытия, которому осталось всего ничего.

Сорок пять минут.

– Вашу ж... – Я едва удержался, чтобы не прибавить чего покрепче. – Могли бы и пораньше сказать, Илья Иванович!

– Могли, – тоскливо отозвался шеф. – Но еще надеялись, что успеем, что получится...

– И в итоге поехали ко мне, когда просрали все на свете.

– Просрали... Ты, Сережа, говори, да не заговаривайся!

По кабинету будто вихрь пробежал – бумаги полетели со стола на пол, стекла задрожали, и даже матовая поверхность кофе в чашке зарябила, расходясь кружочками. Только что передо мной стоял успешный делец, хозяин жизни – то ли крупный бизнесмен, то ли чиновник примерно того же калибра. Дядечка лет этак пятидесяти с хвостиком, среднего роста и крепкий, разве что самую малость раздавшийся в талии от избытка сидячей работы. Усталый, серьезный – но при этом вполне благожелательный.

И вдруг оболочка треснула, и на мгновение я снова увидел шефа в прежнем облике: могучего великана с окладистой бородой, подпирающего потолок кабинета островерхим шлемом с кольчужной сеткой. Огромного, сурового – и все же способного внушать не только страх, но и граничащие с исступлением восторг и почитание. На него даже стало больно смотреть: пластины лат на широкой груди заискрились, расходясь во все стороны лучами яркого света.

На кого-то другого это, пожалуй, действительно произвело бы впечатление.

– А вот и не напугаете, Илья Иванович. – Я улыбнулся,

поставил чашку на стол и демонстративно сложил руки на груди. – Да и потом – какое теперь мне дело?

– Это твоя работа, майор! – рывкнул шеф.

– Не-а. Так не годится. Я больше не на службе. – Я пожал плечами. – По вашей, между прочим, милости.

Странно, но мои слова будто отрезвили шефа. Не поставили на место, даже голову не остудили – зато, похоже, заставили задуматься. Хоть немного.

– Мы всегда на службе, Сережа, – уже без злобы проговорил он. – Но дело даже не в этом. Просто скажи: ты можешь?..

Игра в гляделки продлилась недолго: в конце концов, ответ мы уже знали. И пусть шефу пришлось засунуть свою гордость куда подальше, чтобы приехать сюда, а я не слишком-то этому обрадовался – никакого выбора на самом деле не было у обоих.

Звания, звездочки на погонах, контора, старая дружба... и соперничество – еще старше. Все это изрядно меркло перед тем, что ожидало нас всех в течение ближайших суток. Шеф мог сколько угодно ошибаться в своих решениях, но в одном он все-таки был прав: мы выбрали работу, с которой не уходят.

И выбрали так давно, что менять ее, пожалуй, уже поздно.

– Могу, – вздохнул я. – Ну, или думаю, что могу.

– Отлично! – В глазах шефа зажглись нетерпеливые огоньки. – Сколько времени нужно для подготовки ритуала?

– Минут десять. – Я на мгновение задумался. – Может, чуть больше. Если не сработает – как раз успеем налить по стакану, выйти на балкон и посмотреть, как этот несчастный мир...

– Тьфу! Да иди ты, Сережа, – проворчал шеф. – Помощь нужна?

– Лишней не будет. – Я шагнул к двери. – Спускайтесь в подвал, Илья Иванович. И тех двоих тоже по пути прихватите.

Все вдруг стало каким-то легким, чуть ли не воздушным. Теперь, когда дороги назад уже не было, оторопь отступила – и осталось только любопытство. Чистый, дистиллированный интерес, щедро разбавленный чем-то вроде радостного предвкушения.

В самом деле, почти семьдесят лет, с самого октября шестьдесят второго, держать под рукой волшебную кнопку – и не иметь морального права нажать. Слишком большой риск, и слишком велика цена ошибки...

Была – до этого дня. И если уж мир катится в тартарары – самое время изящно исправить все чуть ли не в одиночку, провернув то, о чем даже величайшие из умов (и прошлого, и современности) могли только мечтать.

Что может быть круче?

– Проходите, господа. – Я не глядя щелкнул выключателем, зажигая свет в подвале. – И становитесь вокруг стола.

– Круг Силы?... – пробормотал шеф. – Я думал, ритуал не

настолько затратный.

– Он действительно не настолько затратный. И даже не нуждается в каких-либо... спецэффектах. – Я достал из нагрудного кармана самый обычный маркер и принялся чертить символы прямо на столешнице. – Вы сами знаете, что точка приложения энергии куда важнее ее значения. Особенно в таких делах.

– Тогда зачем?..

– Просто посмотреть, – улыбнулся я. – Должны же вы трое хоть чему-то научиться, верно?

Шеф нахмурился, но промолчал. Его зам стоял напротив с неподвижным лицом – будто высеченный из камня. И только в младшем, похоже, осталось еще хоть что-то человеческое: он скривился, шумно выдохнул через нос и одними губами прошептал: «Козел».

Мы никогда друг другу не нравились.

– Быстро-то как все, Сережа... – Шеф с недоверием посмотрел на буквально вылетающие из-под моей руки символы. – А ты уверен?

– Конечно же, Илья Иванович, – усмехнулся я. – Конечно же, нет. Чтобы точно рассчитать такие операции, нужна минимум докторская по физике – а я даже институт не закончил. Но в общих чертах... – Я закончил чертить и отшвырнул маркер в сторону. – Короче говоря – должно сработать. Я откачусь обратно на месяц – может быть, на полтора. Или чуть меньше – на три недели... Этого хватит?

– Должно хватить. – Шеф сложил на груди здоровенные ручки. – Как... как доберешься – сразу же ко мне, Сережа. Бегом.

– Если доберусь, – поправил я. – Одна ошибка – и меня в буквальном смысле размажет по эфиру, как маргарин «Рама» по хлебной корке.

Я достал из ножен прихваченный когда-то с «Варяга» кортик и осторожно ткнул себя острием в палец. Для символов и контура сгодился бы и мел, и самый обычный карандаш – но завершать полагалось кровью. Личной подписью, таким финальным оператором, который запускал самый сложный алгоритм ритуала... Ну – должен был запустить.

– Что ж, господа. Момент истины, – проговорил я, протягивая руку к столу.

И все заверте...

Глава 1

Когда тьма вокруг рассеялась, я летел вперед. Не через какой-то пространственный или временной тоннель, а в самом прямом смысле. Точнее, падал: глупо и неуклюже, обогнав головой и плечами ноги – так, что уже не мог удержать равновесие. Пол коварно прыгнул навстречу, и я едва успел подставить руку.

Какую-то странную, будто чужую... С бледными тонкими пальцами, торчащими из-под рукава с парой блестящих пуговиц. На моей флиске таких определенно не было... да и вообще никаких не было, если уж на то пошло.

Знакомый подвал исчез. Я оказался в длинном коридоре с окнами по одну сторону и дверью с номером – по другую. Каменный пол сменился выдавшим виды паркетом, а стол с колдовскими письменами куда-то испарился.

Остались только люди... точнее – их количество. Обступившая меня троица в темно-синих кителях с серебряными пуговицами выглядела куда моложе бывших сослуживцев – и уж точно не так внушительно. Зато настрой, похоже, имела самый что ни на есть боевой.

Все-таки у летящего в челюсть ботинка есть один несомненный плюс: он моментально разделяет любые текущие задачи и вопросы на важные – и все остальные. Заставляет

действовать без лишних раздумий.

В общем, тонизирует.

Я еще не успел толком сообразить, какого лешего вообще происходит, а тело уже действовало само, резво вспоминая все то, что когда-то намертво забивалось в мышцы бесконечными тренировками. Я завалился чуть набок, уходя от удара, поймал нападавшего за пятку – и дернул вверх. Раньше такое запросто опрокинуло бы на пол даже шефа, но сейчас силенок почему-то не хватило. Долговязый тощий парень неуклюже взмахнул руками, отступил на пару шагов, но на ногах все-таки удержался.

А я уже получил от следующего. Прямо по ребрам чем-то увесистым, зато, на мое счастье, не слишком твердым. Били коряво и вскользь – в самый раз, чтобы успеть подняться, не словив еще пару пинков.

Я крутанулся на месте, вскакивая, – и тут же метнулся к стене, чтобы хоть как-то прикрыть тылы. Впрочем, это оказалось без особой надобности: вместо того чтобы окружить и навалиться со всех сторон, мои противники ринулись в лоб, чуть ли не строем. Подраться они явно любили, а вот умели от силы на троечку.

С жирнящим таким минусом. Я без особого труда свалил первого, кто сунулся, – того самого, что чуть не вlepил мне по голове ботинком. Просто швырнул лицом в стену, пропустив мимо, и на всякий случай еще добавил локтем в поясницу. Второй, полноватый коротышка с пороссячим ры-

лом, снова попытался ударить меня. И не кулаком, а кожаным портфелем – то ли побоялся подойти ближе, то ли не слишком-то рассчитывал на собственные силенки. Его я срезал еще на размахе: пнул ногой в мягкий живот и отправил на паркет.

А вот с третьим пришлось повозиться: он не только двигался поувереннее своих сотоварищей, но и выглядел куда основательнее. Здоровенный – на полголовы выше меня и тяжелее раза в полтора. Бритая круглая башка будто росла прямо из плеч, а шеи не было вовсе – парень явно любил побаловаться гирями. Или просто целыми днями поднимал тяжести на какой-то нелегкой работе. Силища в нем оказалась звериная.

Хорошо хоть, умение подвело.

Я прикрыл подбородок плечом, но могучий удар все равно отбросил меня – чуть ли не протащил по полу подошвами, и от второго я предпочел уклониться. Поднырнул под неуклюжую размашистую «закидуху» и впечатал кулак в торс. Будто в стену – каменную, разве что кое-как прикрытую сверху слоем податливой человеческой плоти. Здоровяк даже не хмыкнул, а вот моя рука онемела чуть ли не по локоть. Зато осталась вторая, и ею я зарядил в челюсть.

Четко и мощно, с переносом веса, вложившись всем корпусом. Прямо как на показательных выступлениях: не кулаком, чтобы не сломать костяшки, а предплечьем, ровно по линии от подбородка под ухо, заодно зацепив сгибом боль-

шого пальца болевую точку. Любого нормального человека такой удар отправил бы в нокаут – ну, или хотя бы уронил.

Но этот бугай разве что пошатнулся. Я не стал дожидаться, пока он очухается или пока на меня снова прыгнет кто-нибудь из его товарищей. Дальше демонстрировать свои бойцовские навыки и калечить парней в мои планы определенно не входило, как и рисковать огрести от превосходящих втрое сил врага. Так что я напоследок добавил носком ботинка здоровяку под колено, развернулся...

И едва не налетел на невесть откуда взявшегося усатого мужика в форме. Вроде той, что носили мои недруги, только чуть темнее, с какими-то значками на лацканах и наплечными знаками с золотым шитьем.

– А ну стой!!!

От сердитого окрика мои преследователи замерли – их будто к полу приморозило. Да и я сам вдруг с предельной ясностью осознал: удирать будет чревато последствиями. Не смертельными, конечно, но теми, которых любой разумный человек предпочел бы избежать.

– Что вы тут устроили?!

Голос у моего нежданного спасителя оказался командирский – зычный и могучий, разве что чуть охрипший от крика. А вот внешность до такой луженой глотки явно не дотягивала: ростом мужик был заметно ниже меня, да и богатырским сложением не отличался. Красноватый и опухший рыхлый нос выдавал в нем любителя заложить за воротник,

а рыжеватые прокуренные усы, почти сросшиеся с бакенбардами, при ближайшем рассмотрении оказались наполовину седыми, хоть их обладатель наверняка еще не разменял и шестого десятка. Потасканный облик дополняла огромная блестящая плешь — да и в целом местный блюститель порядка выглядел скорее забавным, чем грозным.

Но парни в форме, похоже, изрядно его побаивались.

— Ничего, ваше благородие, — проворчал здоровяк, потирая ушибленную мною челюсть. — Столкнулись... нечаянно.

— Я вам устрою — нечаянно! — Усатый погрозил костлявым кулаком. — А еще гимназисты называются... При Александре Николаевиче вас бы уже сто раз выперли за такие выкрутасы, остолопов.

— Иван Павлович, мы не...

— Молчать! Молчать, когда я говорю. — Тот, кого назвали Иваном Павловичем, шагнул вперед и ухватил здоровяка за пуговицу на кителе. — Слушай сюда, Кудеяров, внимательно слушай: еще раз начнешь кулаками махать — вылетишь с волчьим билетом. Понял?!

— Да как же не понять, ваше благородие.

Здоровяк едва заметно улыбнулся — но тут же снова подобрался, старательно изображая испуг. Видимо, он уже не раз попадался на подобных потасовках и теперь всерьез рисковал огрести по полной. А его товарищи и вовсе успели то ли удрать по коридору, то ли спрятаться — и избежать праведного гнева...

Воспитателя? Или как его тут называют?

– Пошел вон отсюда. – Иван Павлович отпустил насупившегося Кудеярова и развернулся ко мне. – А ты, Волков, – марш в уборную! Не хватало еще с таким рылом на улице показаться.

Волков?..

В виновники потасовки меня вроде бы не записали, но на этом благосклонность Ивана Павловича закончилась. Он схватил меня под локоть, с неожиданной для своей комплекции силой проволоком по коридору и буквально швырнул за дверь к выдававшему виды умывальнику с латунным краном.

Прямо над ними висело зеркало – небольшое, с отколотым куском в углу, мутное и явно давно не мытое. И из него на меня удивленно таращился худой темноволосый пацан лет семнадцати-восемнадцати, облаченный точно в такой же китель со стоячим воротником, как и те, кто только что пытались отметелить...

Его? Меня?.. Нас?

Я поднял руку – и парень за стеклом повторил движение. Осторожно коснулся пальцами разбитого носа, покачал головой и снова уставился прямо на меня.

Может, я и правда выглядел примерно так – целую вечность назад. Так давно, что при всем желании не вспомнил бы. Впрочем, едва ли ритуал мог иметь такой... побочный эффект. События принимали весьма занятный оборот, и все больше напоминали какую-то фантасмагорию, однако вывод

напрашивался сам собой: меня переместило не только во времени и пространстве – но еще и зашвырнуло в чье-то тело. И если...

– Долго тут рассусоливать будешь? – сердито буркнул за моей спиной Иван Павлович. – Как на девку пялишься... Мойся давай – и иди уже!

Я не стал спорить: открутил кран, сполоснул лицо, осторожно пощупал нос – кажется, не сломан – и даже кое-как привел в порядок одежду. Эти нехитрые операции не только окончательно привели меня в чувство, но и позволили хоть немного выдохнуть и подумать...

Нет – подумать как раз таки не получилось, хоть я и отчаянно пытался. Вопросы с жужжанием роились в голове, и с каждым мгновением их количество увеличивалось примерно вдвое. Даже срочных и самых-самых важных оказалось столько, что они принялись расталкивать друг друга, буквально встали колом где-то между ушей – и только вяло трепыхались, пока меня в конце концов не вытолкали из уборной, так и не дав как следует оттереть мокрой ладонью брюки.

– Вот, держи свое богатство.

Иван Павлович протянул мне изрядно помятую синюю фуражку и портфель, примерно такой же, как тот, что прошелся по моим ребрам. Видимо, подобрал где-то неподалеку, пока я мылся.

Там, где их обронил этот самый... Волков.

– Чего смотришь? Ступай уже домой.

– Домой?.. – переспросил я.

– Ты что, головой ударился? – Иван Павлович озабоченно нахмурился, но тут же ухмыльнулся и погрозил мне пальцем. – Паясничать вздумал? Так я тебя быстро отучу.

Вот тебе и воспитатель-наставник. Помощи тут точно не дождешься – да и не очень-то и надо!

Я уже успел сообразить, что если этот старый хрен кому-то и сочувствовал, то только себе – за необходимость возиться с бестолковыми гимназистами. Впрочем, лишние распросы вряд ли принесли бы хоть какую-то пользу, а вот вред – запросто. Я пока еще понятия не имел, что собираюсь делать, но уж точно не собирался жаловаться на потерю памяти и закончить сегодняшний вечер в больнице для умалишенных.

Ничего, как-нибудь разберусь.

Спускаясь по лестнице, я изучил содержимое собственных карманов. Улов оказалось невелик: перочинный нож, пара позеленевших латунных ключей на проволоке, несколько медных монет, одна серебряная и крохотный черный переплет. Мягкий, «под кожу».

Паспорт. Точнее, паспортная книжка, судя по надписи под обложкой. Без фотографии, зато имя знакомое, видимо мое... теперь. Волков Владимир Петрович. В графе «Звание» – вполне ожидаемое «гимназист» с номером учебного заведения. А вот дальше...

Нет, я уже успел сообразить, что дело нечисто, хотя бы по знакомому, но непривычному языку с обилием ятей и еров на концах слов. И все равно никак не мог поверить, пока не добрался до строчки «Время рождения».

14 января 1892 года.

Приехали. Что я там говорил, пока чертил письмена на столе? Месяц, от силы полтора?

Ну-ну.

Глава 2

– Дай пройти! Встал тут, как этот самый...

Похожая на сердитый шарик бабуса с авоськой оттеснила меня богатырским плечом и с видом победителя плюхнулась на скамейку у окна. Мест в трамвае оставалось еще с дюжину, но ей почему-то хотелось занять именно это.

Да и пожалуйста – у меня определенно хватало проблем и без всяких там старых... перечниц.

Впрочем, время в их число явно не входило: его-то как раз имелось предостаточно. Каким бы корявым на поверку ни оказался мой ритуал, сработал он крепко – и до беды, которую притащил с собой шеф, теперь уже было лет сто, не меньше. Так что я не придумал ничего умнее, чем отправиться домой – ну то есть по адресу, указанному в паспортной книжке. До революции за пропиской в Петербурге следили строже некуда, так что вряд ли я... то есть Володя Волков, мог жить где-то еще.

Погода на улице оказалась теплая, и я без особой спешки прогулялся полкилометра от гимназии до Садовой. Спросил у городского на перекрестке, который из трамваев едет на Васильевский остров, забрался внутрь, заплатил строгому кондуктору в форменном кителе положенные три копейки – и поехал.

Не так уж я и плохо помнил город, судя по тому, как быстро отыскал дорогу от Ломоносовской – то есть от Чернышёвой площади, как ее тут называли. Самым разумным сейчас было бы устроиться куда-нибудь в свободный угол, подальше от ворчливой старушечки, и пораскинуть мозгами: составить план действий, понять, где же я так здорово прокололся с расчетами и куда (точнее, в какой именно год) меня закинуло.

Но я так и не заставил себя даже сесть. Стоял, вцепившись в поручень, и пялился в окно. Трамвай катился по рельсам не слишком быстро, и я без особого труда мог разглядеть проплывающие мимо в вечернем полумраке улицы.

Знакомые – и одновременно чужие. И не только из-за громадных вывесок частично на английском или французском языках, но по большей части – русских, с все теми же ятями и ерами. За мутным стеклом степенно проехала библиотека, два модных магазина, ресторан, какая-то адвокатская контора с труднопроизносимой фамилией владельца – и снова ресторан. Когда глаза понемногу привыкли к мельтешению гигантских надписей, все снова стало привычным, разве что чуть забытым.

А потом из-за угла здания на Сенной площади вдруг вынырнул храм. Огромный, златоглавый – ничего похожего тут отродясь не стояло. Прямо напротив метро... точнее, того места, где оно будет: станцию построили только в начале шестидесятых. Тогда она еще называлась площадь Мира – Сен-

ной стала только в девяносто первом.

Вроде бы все то же самое – но не совсем. Чуть иначе загибаются повороты, по-другому разбегаются в стороны знакомые переулки. Мариинский театр на своем месте, только выкрашен почему-то в желтый, а не в положенный бледно-зеленый. Благовещенский мост, по которому трамвай не спеша перебрался на Васильевский остров, раньше был метров на триста ближе к Дворцовому, а не выходил прямым на Восьмую линию... Да и сама линия основательно «раздулась», стала раза в полтора шире.

И трамвайных путей на ней никогда не было... вроде бы. Как и на Малом проспекте, куда мы свернули вместо Среднего на полкилометра позже положенного. Рельсы в этом чужом Петербурге явно прокладывали иначе – неизвестно почему.

Блин, да какой сейчас вообще год? Володе Волкову вряд ли больше восемнадцати, так что...

Я изловчился и заглянул через плечо солидному господину в шляпе – он как раз читал газету, удачно раскрыв ее на первом развороте. «Санкт-Петербургские ведомости», и наверняка сегодняшнего дня, от силы вчерашнего. Дата тоже имелась: двадцать третье апреля одна тысяча девятьсот девятого года. Прямо под «шапкой» красовался здоровенный заголовок:

Не время для либерального курса!

И чуть ниже начинался абзац:

«На вчерашнем заседании совета министров Его Императорское Величество Самодержец Всероссийский...»

На крупной черно-белой фотографии вместо положенного по дате Николая Второго расположился его родитель – судя по всему, и ныне здравствующий вместо того, чтобы представиться в Ливадийском дворце в Крыму лет этак пятнадцать назад... Однако.

На седьмом десятке постаревший Александр лишился остатков волос на голове, зато бороду отрастил роскошнее некуда: поседевшую, но все еще густую, окладистую – она закрывала чуть ли не половину орденов на широкой груди. Да и в целом монарх выглядел если не пышущим свежестью и силой, то уж точно еще весьма крепким.

Ну, как говорится, дай бог здоровья. Случалось мне и лично общаться с Александром Александровичем – и беседа вышла не слишком-то приятной. Непростой мужик был император, ох непростой... Но, как говорится, о покойниках либо хорошо, либо ничего.

Впрочем, здесь-то он как раз живет всех живых.

Так это что же получается? Я мог запомнить расположение пары улиц и напрочь забыть трамвайные маршруты начала двадцатого столетия. Мог даже перепутать цвет стен Мариинки или не вспомнить про взорванный в лихие революционные годы храм на Сенной площади. Но промахнуться с датой смерти Александра Третьего я не мог никак.

Хотя бы потому, что лично присутствовал на похоронах в ноябре одна тысяча восемьсот девяносто четвертого.

Значит, меня забросило не просто на сотню с лишним лет назад в чужое тело – а еще и в какой-то другой мир. Знакомый, понятный, похожий на наш – но все-таки не идентичный полностью. Конечно, мне не раз приходилось слышать про теорию мультивселенных и прочий научпоп, и все же поверить в реальность происходящего оказалось не так уж и просто. Глаза будто сами искали подвох, норовя представить изменившийся город вокруг какой-то декорацией, картонным фасадом, натянутым поверх того, что было на самом деле.

Но... нет, никакого подвоха: мир действительно чужой. И, может быть, даже отличается от моего куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. Если уж Петербург изменился, если суровый император Александр прожил здесь на полтора десятка лет больше – кто знает, что еще могло случиться... и где.

Может, здесь вообще все иначе – и тот, другой я сейчас вовсе не шагает бок о бок с шефом по персидским пескам, сжимая в руках верную «трехлинейку».

Может, мы оба здесь уже давным-давно умерли. Утонули вместе с «Варягом». Поймали шрапнель из турецкой пушки при штурме Плевны в июле семьдесят седьмого... Или еще раньше. Угодили на шведские штыки под Полтавой, рухнули под кривыми монгольскими саблями на Куликовом поле...

Может, я здесь вообще не родился.

На мгновение меня вдруг охватил... нет, не страх и не тоска – что-то другое. Но такое же пронзительное и щемящее. Будто я снова заглянул за кромку бытия в пустоту, через которую уже один раз прошел в мое нынешнее «здесь».

– Отставить... – пробормотал я, покрепче стискивая поручень.

Холод металла чуть успокоил. Не привел мысли в порядок, конечно же – но все-таки напомнил о насущном. Что бы со мной ни случилось – это уж точно не повод раскисать или жалеть себя.

Работа есть работа – и плевать на обстоятельства.

Хотя они – чего уж там – оказались те еще. Уровень сложности «Ночной Кошмар»: чужое тело, чужой мир. Другой император на троне, не пойми какая политическая обстановка... Хорошо хоть, эпоха знакомая.

Нет! И тут – тоже мимо.

Слишком уж все вокруг... Чисто? Не совсем – мусора хватает. Полностью избавиться от него Петербург не смог даже в начале двадцать первого столетия – чего уж говорить о двадцатом. Огромные вывески на домах были точно такими же, как я их помнил. Люди вокруг выглядели совершенно обыденно, да и костюмы ничем не отличались от городской моды в моем старом мире.

А вот освещение...

Его определенно стало больше. Керосиновые, спиртовые

и газовые фонари исчезли, полностью уступив место электрическим. Да и вообще электрификация в Петербурге, похоже, шла полным ходом – одни трамваи чего стоят. Конечно, первые маршруты появились и в «моем» тысяча девятьсот девятом году. Но тогда их было от силы несколько штук – а здесь красные вагоны встречались уже чуть ли не на каждом углу.

Попадались и автобусы – хоть и не слишком часто. Но в целом техники на бензине оказалось чуть ли не втрое больше, чем в том Петербурге, который я кое-как мог вспомнить. Грузовики, таксомоторы характерных белых и синих расцветок – и, конечно же, личный транспорт. Совместными усилиями они не то чтобы полностью вытеснили с улиц экипажи на копытной тяге – и все же лошадей стало заметно меньше.

Как и навоза на дорогах.

Да и сами модели авто смотрелись не на положенную дату, а посолиднее – с вытянутыми блестящими крыльями, широкими колесами и длинными капотами, из-под которых басовито урчали двигатели. Еще простенькие, не нарастившие жирок технологической базы – зато уже набравшие и объема, и какой-никакой мощности. Ни одной машины я так и не узнал, и все же в некоторых определенно проскакивало что-то знакомое. Но не из нулевых годов двадцатого века, а из более поздней эпохи, когда мировой автопром уже начал расти бешеными темпами.

Под стать перешедшим на бензин повозкам изменились и

дороги: торцевых мостовых почти не осталось. Они отлично подходили для запряженных лошадьми карет и щадили копыта, но резиновые шины оказались менее капризными, потому плотно подогнанные друг к другу деревянные шестиугольники исчезли. Наверняка не сразу, а постепенно, с самого начала века, но все-таки уступали место привычному мне асфальту.

Странно. Уж не знаю, что и почему тут случилось, но Петербург словно откатился в одна тысяча девятьсот девятый год из будущего – почти как я сам. Только из совсем недалекого: этот город выглядел разве что самую малость современнее того, что я помнил. Буквально лет на пять-десять.

Хотя местами, пожалуй, и на все двадцать. И если...

Мои размышления прервал вой автомобильного клаксона. Вагон трамвая содрогнулся от удара, качнулся и замер – кажется, соскочил с рельсов. Я успел покрепче вцепиться за поручень и удержался на месте, а вот остальным пассажиром повезло меньше: те, кто стоял, дружно попадали. Солидный господин с газетой потерял очки и шляпу, а ворчливая старушенция скользнула по скамейке и через мгновение плюхнулась в проход. От ее визга закладывало уши, но даже он не мог заглушить раздавшийся снаружи рев.

Судя по звукам, где-то там голосило что-то вроде льва или тигра – а может, и какая-нибудь хищная ящерица... только размером немногим меньше трамвая. Поэтому я почти не удивился, когда в темноте зажглись два огромных глаза, а

стекло напротив брызнуло мелкой крошкой.

И прямо ко мне через разбитое окно потянулась огромная когтистая лапа.

Глава 3

Чем-то гигантская конечность напоминала человеческую – только раз этак в пять крупнее. Пальцев на ней было всего три, зато каждый заканчивался кривым костяным ножом длиной с мою ладонь. Шерсть – длинная, свалывшаяся и покрытая мутной вязкой жижей – росла не слишком густо, и из-под нее отчетливо поблескивало что-то вроде уродливой чешуи. Полыхающие оранжевым огнем глаза с вертикальным зрачками-щелками запросто могли принадлежать здоровенной змее, а вот пасть на широкой морде под ними скорее напоминала жабыю – только усеянную острыми треугольными зубами.

В общем, на моей памяти ничего подобного в Питере не водилось... последние лет этак пятьсот – точно. А если и водилось, то определенно не выползало на Васильевский из своего болота.

Пассажиры хором заверещали и бросились к противоположной стороне вагона – так, что тот со скрипом наклонился. Только сердитая старушенция сохранила хоть какое-то подобие спокойствия – а потом еще и врезала по чешуйчатой лапе авоськой. Неведомая тварь снова взревела и попыталась дотянуться до обидчицы. Но не смогла – и принялась крушить ни в чем не повинный трамвай. Острые когти оставля-

ли на полу и скамейках глубокие борозды и вырывали крепления. С железом они справлялись хуже – и все-таки справлялись: кузов жалобно стонал, но понемногу поддавался.

Тварь навалилась на вагон сверху, примяла и планомерно вскрывала его, как консервную банку: видимо, ей не терпелось поскорее добраться до мясной начинки. Силищи у куда-юда было предостаточно, а вот интеллект, на наше счастье, хромал – большинство пассажиров уже успели убраться из трамвая и теперь разбегались в разные стороны. Тварь наверняка могла в два прыжка догнать любого – но вместо этого упрямо продолжала ломиться через стену внутрь – туда, где остались только я, вредная бабка и девушка в шляпке и легком темно-синем плащике.

Которую, похоже, самое время было спасти: старушенция с завидной прытью ползла к двери – подальше от страшных когтей, я, видимо, показался твари слишком тощим и костлявым, а вот девчонка влипла. Она забилась в проем между двумя сиденьями и верещала так, что закладывало уши. Неудивительно, что именно на нее и нацелилась пасть с длинным раздвоенным языком.

Тварь редела, щелкала зубами и понемногу протискивала в вагон гигантское тело – сначала лапу, потом голову с шей – и, наконец, покрытое шерстью и чешуей второе плечо. Железо еще кое-как удерживало ее – но счет шел буквально на секунды.

Никакого оружия у меня, можно сказать, не было. Перо-

чинный нож в кармане едва ли сможет проткнуть толстенную маслянистую чешую, а кожаный портфель не годится даже для драки с гимназистами, куда уж там колошматить им зверюгу в полторы-две тонны весом. Разве что...

Поручень!

Я обеими руками вцепился в металлическую трубку под потолком вагона – и дернул. Раз, другой, третий... Сил в худосочном теле Володи Волкова было не так уж много, но я не сдавался, и через несколько мгновений упрямство сделало свое дело. Крепления не выдержали, брызнули во все стороны винтами и деревянными щепками, и в моих руках оказался увесистый кусок поручня. Метра в полтора длиной, да еще и удачно обломанный на конце наискосок, с торчащей кромкой.

Не копье, конечно – но сойдет.

Я метнулся через вагон к девчонке, скользнул подошвами по накренившемуся полу, пинком отбил в сторону когтистую лапу – и с размаху вогнал острую железку в прямо в горящий желтым пламенем глаз. На меня тут же брызнула чуть теплая черная жижа. Поручень с чавканьем погрузился в плоть чуть ли не на треть длины, но до мозга, похоже, не достал... если он вообще имелся в покрытой чешуей черепашке. Тварь заверещала, дернулась, вырвав оружие из моих рук, и принялась мотать башкой во все стороны.

Удар ослепил чудище на всю левую сторону морды, и теперь ему приходилось щелкать зубами чуть ли не наугад. За-

то силищи в чешуйчатом громадном теле было столько, что вагон снова заходил ходуном, грозясь вот-вот развалиться на части.

– Вставай! – Я перемахнул через сиденье, склонился над скрючившейся на полу точеной фигуркой в синем и протянул руку. – Бежим отсюда!

Кого-то страх заставляет двигаться, буквально удесятерять силы и прыть. А кого-то, наоборот, примораживает к месту и сковывает по рукам и ногам. Девчонка оказалась из вторых: вместо того, чтобы вскочить и удрать, пока раненая тварь верещала и пыталась избавиться от засевшей в глазнице железки, она все сильнее забивалась в угол. Будто надеялась каким-то магическим образом просочиться сквозь стенку. И уже даже не кричала – только негромко всхлипывала, закрывая лицо ладонями.

Времени на уговоры не оставалось, так что я ухватил страдальцу за ворот плаща и потянул. Изо всех сил, так, что в пояснице что-то хрустнуло – и все-таки выдернул вверх. Кое-как пристроил на деревянную спинку сиденья, подхватил, закинул на плечо – и потащил к выходу. Трамвай уже всю дрожал, стонал рвущимся железом и явно собирался завалиться на бок, перекрыв нам путь к отступлению. Но мы все-таки успели: в самый последний момент, за мгновение до того, как тварь опрокинула вагон и пролезла внутрь.

– Беги! – пропыхтел я, отпуская девчонку.

Опасность отчасти миновала, но сил у бедняжки так и не

прибавилось: вместо того, чтобы броситься прочь, она едва слышно всхлипнула и уселась прямо на асфальт. Видимо, ноги ее до сих пор не держали. И я уже начал соображать, успею ли добежать до ближайшей подворотни с такой ношей на плечах, когда за спиной загремели выстрелы.

Помощь все-таки подоспела – хоть и чуть позже, чем хотелось бы. Невысокий, но коренастый мужик в белом кителе и фуражке палил по чешуйчатой твари из револьвера, подойдя к трамваю чуть ли не вплотную, шагов на десять. Смелости ему было не занимать, а вот меткость явно оставляла желать лучшего. То ли полицейские чины не слишком часто упражнялись в стрельбе, то ли подводили глаза – судя по седой бороде, городовому было уже лет шестьдесят, не меньше.

Две пули угодили в вагон – я видел, как они выбивали из железа искры. Остальные попали в цель, но особого вреда, похоже, не причинили: для такой туши явно нужен был калибр посolidнее.

«Утёс» бы сюда...

Тварь заревела и снова принялась крушить трамвай – на этот раз чтобы выбраться наружу. Городовой сообразил, что дело пахнет керосином, попятился и запоздало принялся перезаряжать оружие... Нет, слишком медленно. Похоже, руки дрожали: бедняга уронил не только опустевшие гильзы, но и патроны, которые держал в кулаке. Латунные цилиндрики со звоном посыпались на асфальт, а поднимать их было уже некогда.

Тварь снесла переднюю стенку вагона – и оказалась на свободе.

Только сейчас я наконец смог рассмотреть ее целиком. Она действительно больше всего напоминала увеличенную до монструозных размеров уродливую лягушку... или скорее жабу. Не только приплюснутой широкой мордой с расставленными в стороны глазами, но и всей формой тела – бесхвостого, круглого, рыхлого, но скрывающего под чешуей и слоем жира могучие мышцы. Передние лапы хоть и были размером чуть ли не с мое тело, все-таки заметно уступали задним: длинным и мощным.

Тварь одним прыжком махнула на два десятка шагов и ударом тупой морды опрокинула городского на асфальт.

– Эй, обрззина! – заорал я, бросаясь вперед. – Иди сюда! Кушать подано!

Ноль внимания. Жаба-переросток уже выбрала себе жертву и, похоже, собиралась поужинать: придавила городского передними лапами и раскрыла пасть, в которую он мог поместиться целиком. Бедняга кричал, отбивался руками и ногами, но силы явно были неравны. Он кое-как вытянул из ножен саблю, но не успел даже замахнуться. Тварь щелкнула зубами, снова мотнула головой – и клинок лязгнул об асфальт, отлетев в сторону.

Я сам не понял, как оказался рядом. Адреналин бурлил в крови, заставляя сердце бешено колотиться в ушах и разгоняя тело так, что время будто размазывалось – как в замед-

ленной съемке. Тварь сердито пыхтела, уже совсем рядом, так близко, что я при желании мог бы коснуться рукой грязной чешуи... но вместо этого потянулся к оружию.

Когда мои пальцы сомкнулись на обмотанной кожаными полосками рукояти, мир вокруг вернулся к прежней скорости. Но я уже никуда не торопился: подхватил саблю, крутанул кистью, пробуя клинок, – и остался доволен. Конечно, мне приходилось орудовать образцами и поинтереснее: лучше сбалансированными, из отличной гибкой стали, прочными и острыми как бритва. А оружие городского было просто кое-как заточенным куском стали. Дешевым, неудобным – да еще и слишком длинным и громоздким для Володи Волкова.

Впрочем, какая разница? Мне в руки попала сабля. Пусть не самая крутая, но все же настоящее оружие, а не перочинный ножик и не обломанный кусок трамвайного поручня. Она чуть оттягивала плечо, но эта тяжесть сейчас казалась приятной. Внушала если не спокойствие, то хотя бы уверенность в собственных силах.

Я шагнул вперед и ударил. Снизу вверх, с оттяжкой, целясь не в плечо или ребра, а в круглое брюхо твари. И то ли в тощей руке гимназиста было куда больше сил, чем я думал, то ли чешуя оказалась не такой уж прочной – на меня снова брызнуло темной жижей, а края раны покорно расступились, обнажая незащитное нутро.

Тварь выпустила городского и с визгом дернулась, разворачиваясь ко мне. Здоровенные задние лапы отлично годи-

лись для гигантских прыжков на десятки метров, но движение на месте далось чудищу не без труда. Слишком медленно – когда в воздухе лязгнули зубы, меня там уже не было. Я отступил на пару шагов и снова ударил наотмашь – на этот раз прямо по тупоносой морде. Снова сместился вбок, заходя под ослепший левый глаз, чтобы не дать твари прицелиться и придавить меня гигантской тушей.

Она все-таки прыгнула. Неточно, коряво, зато так проворно, что я увернулся, только перекатившись в сторону. Плечо тут же отозвалось болью: твердая поверхность асфальта явно не слишком подходит для такой акробатики. Но пару секунд я все-таки выиграл, и их оказалось вполне достаточно, чтобы подрубить твари заднюю лапу на сгибе.

Это изрядно поубавило ей прыти – зато злобы, похоже, стало больше. Огромная жабья туша с ревом развернулась и попыталась меня достать. Когти вспороли воздух буквально в волоске от моего лица, но я все-таки успел отпрыгнуть, занес саблю – и ударил. Изо всех сил, почти как топором, обхватив пальцами левой руки гарду снаружи.

Тварь снова заверещала, только теперь скорее жалобно, а не грозно, и, не найдя опоры, завалилась на бок. Отрубленная трехпалая конечность, несколько раз дернувшись на асфальте, затихла. А я шагнул к извивающейся чешуйчатой туше, наступил ботинком на запрокинутую приплюснутую морду, навалился всем весом – и вогнал саблю под челюсть. По самую гарду, снова заливая пальцы липкой черной жи-

жей, пока усталое железо не лопнуло с жалобным звоном. В моих руках остался только эфес с обломком клинка сантиметров в десять-пятнадцать длиной.

Бой закончился: чешуйчатая тварь упокоилась у моих ног. И все стихло. Только где-то далеко на Малом проспекте громыхал по рельсам трамвай. Пожалуй, мне стоило оглядеться, поискать раненых... заодно провести спасенную девчонку в темно-синем плащике. Или как следует осмотреть самого себя: когти убитой жабы вполне могли если не выпустить мне кишки, то уж точно оставить глубокие царапины – а то и все оказаться ядовитыми. Но вместо этого я продолжал стоять над поверженным врагом, сжимая в руках бесполезный обломок сабли – пока где-то за спиной не раздались крики и сердитое рычание автомобильных моторов.

Обернувшись, я увидел, как в паре десятков шагов останавливаются две черные машины и грузовик, из которого прямо на ходу выпрыгивают солдаты с винтовками.

Вовремя, блин...

Глава 4

Вояки работали резво, но без особой суеты: подбежали, на ходу выстраиваясь полукругом и выцеливая мертвую тварь. Потом оттерли меня в сторону, потыкали в неподвижную чешуйчатую тушу штыками – видимо, на всякий случай – и разошлись, будто в один момент потеряв интерес к невесть откуда выползшей гигантской плотоядной жабе. Бородач с широкой золотой полоской на пурпурного цвета погонах зашагал к машинам – наверное, докладывать кому-то из старших. А рядовые чины тут же принялись рыскать вокруг: искали то ли раненых... то ли еще одно чудище – судя по тому, что двигались они осторожно, не выпуская оружия из рук.

Чего я так и не заметил – так это всеобщего удивления. Будто появление на Васильевском острове кровожадного создания, способного чуть ли не надвое разорвать трамвайный вагон, было чем-то обыденным. Но именно так все вокруг и выглядело. Солдаты занимались своей работой: расчищали рельсы от обломков, оттаскивали в сторону крупные куски железа, подцепив на трос к грузовику, и бродили вокруг с винтовками, выцеливая темные углы. Офицеры раздавали команды, и даже редкие вечерние прохожие, похоже, не слишком-то интересовались происходящим. Несколько человек остановились на тротуаре – то ли поглазеть, то ли впол-

голоса обсудить что-то – а остальные шли мимо. Спешили по своим делам, бросив разве что беглый взгляд на бездыханную огромную тушу в полусотне шагов от раскуроченного трамвая.

И уж точно никто не спешил удовлетворить мое любопытство. Не то чтобы я ожидал какой-то особенной награды за свои героические выкрутасы с саблей, но оставаться без ответов уж точно не собирался. Прохожие вряд ли стали бы болтать с перепачканным черной жижей гимназистом, у солдат и так хватало дел, офицеры выглядели слишком уж важными, а вот городской... В конце концов, он мне еще и должен – раз уж я ради него полез в драку с чудищем.

Старик уже успел подняться на ноги и выглядел в целом вполне живым, хоть и изрядно помятым. Белый рукав кителя пропитался кровью – похоже, один из когтей твари все-таки прошелся по коже. Но рана была не слишком серьезной, иначе городской вряд ли стал бы так проворно хромать за невысоким худощавым мужчиной в штатском.

До меня донеслись обрывки разговора.

– ...Прорыв должен быть где-то здесь. Вы не видели?

– Вестимо, на кладбище, ваше преподобие. Откуда еще тут жабе взяться? – Городской чуть ускорил шаг, чтобы не отставать от своего спутника. – Место такое – сами понимаете... непростое. Оттого и лезет всякое. Уже в январе было, аккурат под Рождество Христово. Но тогда поменьше вышло, только упыри и пролезли. А тут – такая образина, что...

– Вы помните место? – коротко бросил мужчина в штатском. – Сможете показать?

– Помню, ваше преподобие, как не помнить, – закивал городской. – Тут за калиткой пройти всего ничего – и направо.

Кладбище – в моем мире его называли Смоленским – располагалось там, где ему и положено – выходило южной стороной прямо на Малый проспект. Многострадальный трамвай проехал его почти целиком: я без труда разглядел угол чугунной ограды. Еще немного, и мы наверняка разминутись бы с выползшей оттуда жабой...

Похоже, для каждого вида неведомых тварей местные придумали имя – и уже давно. Упыри явно были рангом пониже... Но кто еще мог вылезти из... Как там сказал городской – Прорывов?

И что это вообще, блин, такое?

Я чуть прибавил шагу, чтобы не отстать от городского и этого самого... Городской обращался к нему «ваше преподобие», но на священника мужчина в штатском походил мало. Скорее уж он выглядел как военный или кто-то из полицейских чинов. Даже в покрое одежды – чуть приталенного длинного кожаного плаща с квадратными плечами – было что-то от армейской шинели. Да и выправка чувствовалась. Я бы не удивился, узнав, что когда-то «преподобию» приходилось носить форму, да еще и с офицерскими погонами.

Странная парочка уже наверняка давно заметила меня, но не обратила внимания. Даже городской только раз обернул-

ся, кивнул – и снова захромал вперед, показывая дорогу. Видимо, дело и правда оказалось срочнее некуда.

Так мы и шли: двое впереди, а я следом, примерно в десятке шагов сзади. Миновали кладбищенскую ограду и двинулись дальше – уже по тропинке. Шума с проспекта вполне хватало, чтобы, в случае чего, отыскать дорогу назад, но я на всякий случай считал развилки. Мы свернули направо на третьей, аккуратно пролезли между старыми железными крестами на могилах...

И остановились.

– Вот он, никак, ваше преподобие. – Городовой вытянул руку вперед. – Аккурат на старом месте... чтоб его.

Жаба определенно пришла отсюда. Даже в темноте я без особого труда разглядел поломанные деревца и могилы. Гигантская туша с одинаковой легкостью крушила и растительность, и надгробья, и металлические ограды. Досталось даже статуям: мраморный ангел лишился головы и крыла. Но я так и не мог сообразить, откуда именно вылезла зубастая образина... и на что указывал городовой.

И только потом разглядел. Примерно в десятке шагов перед нами воздух чуть рябил. Обычно такое марево появляется над асфальтом в жару – но никакого асфальта поблизости не было. Да и апрельский вечер, хоть и выдался теплым, на летний полдень явно не тянул.

И все же я определенно видел... что-то. Похожее то ли на большую дверь, то ли на ворота – а скорее на самую обычную

дыру с неровными краями. Шириной метра в четыре и примерно столько же – в высоту. Прореху в привычной реальности через которую, видимо, и пролезла на кладбище ныне покойная жаба.

И хорошо, что только она одна: тут вполне мог поместиться кто-то побольше и позубастее.

– Справитесь, ваше преподобие? – Городовой запрокинул голову, пытаясь разглядеть верхний край Прорыва. – Здоровый какой... В тот раз поменьше был.

– Справлюсь. Только отойдите в сторону, любезный. И не подпускайте... гражданских.

Последнее, видимо, относилось ко мне. Я не стал дожидаться, пока городской погонит меня прочь и сам отступил чуть назад, в тень надгробья с побитым ангелом. Не слишком далеко – только чтобы не мозолить глаза «преподобию». Не знаю, что он задумал, но пропускать такое зрелище я не собирался.

И не зря. Оно того определенно стоило: стоило городовому отойти, как его спутник начал... действие. Больше всего это напоминало какой-то ритуал – причем из тех, что мне еще не приходилось даже наблюдать, не говоря уже о том, чтобы проводить самому. «Преподобие» сосредоточенно шевелил руками в воздухе, будто орудуя невидимыми иглой и нитью – и Прорыв становился меньше! Поначалу шов казался грубоватым и слишком размашистым, но через минуту воздух над могилами почти перестал рябить. Рана в ре-

альности понемногу затягивалась и по краям уже почти исчезла.

Если меня интересовало, есть ли в этом мире магия, – ответ я, похоже, получил.

– Во дает... Да ты не бойся, смотри. – Городовой осторожно перешагнул через надгробье и встал со мной рядом, сложив руки на груди. – Когда еще такое увидишь?

В голосе старика звучало неподдельное восхищение. И, пожалуй, даже больше: он таращился на «преподобие» так, будто тот был то ли неведомым чудом природы, то ли иконой в храме. А может, и вовсе каким-то сверхчеловеком.

Похоже, талант заделывать эти самые Прорывы встречался в их мире нечасто.

– Ты прости, сынок, что сразу не подошел... Служба, – снова заговорил городовой. – А ведь если б не ты – поди, лежал бы я сейчас там с жабой, чтоб ей пусто было... Где так научился саблей махать? Вроде из гимназистов, я погляжу, вам солдатское ремесло знать не положено.

– Не знаю... Само получилось. – Я пожал плечами. – Просто испугался, наверное, взял саблю... И часто у вас такое бывает – Прорывы эти?

– Да лет сто, считай, вообще и не было – а то и двести. – Городовой чуть сдвинул фуражку на лоб и почесал затылок. – И все далеко, за Уралом если только. А последние года три – как с цепи сорвались. И прямо в городе. Упыри лезут, лешие, жабы – кого только не встретишь... А в феврале даже

Рогатый пожаловал – на Гороховую улицу.

Видимо, в этом мире каждому полагалось знать все до единой разновидности местной потусторонней фауны. Жабу я уже видел собственными глазами, упыри с лешими даже звучали не слишком грозно – а вот Рогатый... Рогатый, судя по всему, был посерьезнее той страхолюдины, что сейчас валялась на Малом проспекте.

– Помню, шума тогда было... – Городовой на мгновение задумался, вспоминая что-то. – Трех городских порвал и мать с ребенком – не успела убежать, бедная... До самого Адмиралтейства, считай, дошел. Хорошо, георгиевцы подъехали с пулеметами – усмирили кое-как.

– Георгиевцы? – переспросил я.

– Ты чего, сынок? Никак, ударился крепко? – Городовой улыбнулся и покачал головой. – Орден Святого Георгия при Святейшем правительствующем синоде. Защитники наши – кто ж их не знает?

Тот, кто прибыл в Петербург всего два-три часа назад – да еще и из две тысячи двадцать восьмого года... Впрочем, догадаться было несложно, хоть в моем мире ничего похожего не имелось – даже названия. Похоже, эти самые георгиевцы представляли собой то ли таких боевых монахов – наподобие средневековых рыцарских орденов – то ли что-то вроде местного спецназа. Только заточенного под войну со всякими жабами и даже рогатыми. И помимо обычных солдат и офицеров у них в штате были еще и такие, как «преподобие».

– А это? – поинтересовался я, указывая на фигуру рядом со стремительно тающим Прорывом. – Вы уж простите – я раньше не видел...

– Это капеллан Ордена. – Городовой зачем-то понизил голос, перейдя чуть ли не на шепот. – Божий человек. В нем сила особая имеется – такая только у благородных встречается... ну, по большей части. Да и то не у каждого.

У благородных? Похоже, в этом мире дворянское сословие отличается от простых смертных не только титулом и изрядным капиталом, но и наличием сверхчеловеческих способностей.

– И что ж, получается, все благородные так умеют? – уточнил я. – С Прорывами...

– Нет, сынок. Этому только георгиевских капелланов учат – у них служба такая. А Талант в роду разный бывает. Кому-то бог силу дал, как у десяти человек, кому-то долголетия, кому-то – людей лечить... А кому и взгляд особый.

Городовой явно проникся ко мне симпатией – а может, просто любил поболтать. Иначе вряд ли стал бы так подробно рассказывать то, о чем в этом мире наверняка знали даже малые дети.

– Говорят, царь Петр мог глазами дубовую доску в три вершка прожечь. Хоть со ста шагов, хоть с двухста. Самолично шведский фрегат потопил при Гангуте: пороховую камеру подорвал так, что щепки выше мачт летели! – Городовой кровожадно оскалился, но тут же продолжил уже тише: – Но

такой Талант редкость, разве что у князей и графьев встречается. А из обычных... Ой! Тихо – сюда идет!

Его преподобие капеллан действительно уже закончил свою работу – и теперь шагал через могилы к нам.

И вид у него был, надо сказать, весьма недовольный.

Глава 5

– Всего три месяца – и снова Прорыв, на старом месте. И на этот раз больше предыдущего.

Капеллан обращался к городовому – меня он, похоже, игнорировал напрочь. Зато я теперь мог рассмотреть его вдоволь. Впрочем, зрелище... нет, не то чтобы разочаровало – но оказалось весьма и весьма заурядным. «Преподобие» не отличался ни ростом, ни богатырским сложением – оказался даже чуть ниже меня, хоть ему уже явно и перевалило за тридцать. В гладко выбритом лице – почти треугольном, с острым маленьким подбородком – не было ровным счетом ничего героического.

Ко всему прочему капеллан еще и носил очки – круглые, в бронзовой оправе. Зато выправку имел, можно сказать, офицерскую: спина прямая, плечи расправлены – даже сейчас, когда Прорыв явно высосал из него все силы. Да и плащ из темно-коричневой кожи добавлял художавой фигуре этой мужественной угловатости. Никаких знаков отличия на одежде я не разглядел – только на вороте тускло поблескивал металл. Обычно так носили ордена второй или третьей степени. Но этот вполне мог оказаться и не наградой за службу, а просто символом принадлежности к духовному сословию.

Прямой равносторонний крест с расширяющимися луча-

ми сохранил «военную» форму, но был выкрашен в пурпурный со светлой каймой. Присмотревшись, я все-таки смог разглядеть в центре овал с серебряной фигуркой: миниатюрный всадник, пронзающий копьем какую-то ползучую гадину.

Прямо как я с куском поручня – только еще и на коне.

Георгий Победоносец. Святой, заколовший то ли дракона, то ли змея – неудивительно, что борцы со всякими жабами выбрали его своим покровителем. Кажется, и у обычных солдат на пурпурных погонах красовалась такая же эмблема.

– Ровно в том же месте, ваше преподобие. Как сейчас помню, – закивал городской, разводя руками.

Голос у него при этом был почему-то испуганный – а скорее даже виноватый. Будто от старика с револьвером Нагана и старой саблей на боку каким-то образом зависело появление новых Прорывов.

– Я должен немедленно доложить в Святейший синод, – продолжил капеллан. – Возможно, придется обустроить на кладбище круглосуточный пост. Если в следующий раз Прорыв окажется больше...

– Мне бы винтовку, ваше преподобие. Или ружьишко какое. – Городской похлопал себя по боку, где висела кобура. – Одним наганом много не навоюешь.

– Я обращаюсь к полицейскому руководству. В крайнем случае – обеспечим постовых на проспекте оружием за счет Ордена. – Капеллан выпрямился и заложил руки за спину. –

А пока – позвольте поблагодарить вас за безупречную службу, любезный. Я непременно напишу рапорт. Медаль обещать не могу, но денежная премия...

– Так это не меня надо благодарить, ваше преподобие. – Городовой отступил чуть в сторону. – Вот он – ваш герой. Взял саблю – и жабу, значит... того.

– Жабу? Одной саблей? – недоверчиво отозвался капеллан.

Теперь он смотрел на меня – так, будто за каждой из линз очков у него был спрятан крохотный, но очень мощный рентгеновский аппарат. На мгновение я даже успел пожалеть, что вообще пришел сюда.

Привычкой избегать лишнего внимания я обзавелся давным-давно – и она редко оказывалась лишней.

– Правду говорю, ваше преподобие! Разве ж я буду врать? Пока меня жаба сожрать пыталась, – городовой для пушей убедительности потряс в воздухе окровавленным рукавом, – он сабельку мою подхватил – и давай вокруг гадины плясать, пока та и не померла.

– Вон оно как... Выходит, непростой ты парень, господин гимназист, – задумчиво проговорил капеллан.

– Как есть непростой, ваше преподобие. – Городовой легонько похлопал меня по плечу. – Его бы испытать – может, какой Талант в нем окажется?

– Может, и окажется. – Капеллан сдержанно улыбнулся. – А может... Отвага – сама по себе талант, любезные. И нема-

лый... Как тебя звать, воин?

– Владимир, – ответил я. – Владимир Волков, ваше подобие.

– Вот что я тебе скажу, Владимир Волков. Парень ты боевой – сразу видно. Такие всегда и везде нужны. Хоть с Талантом, хоть без. А нам – особенно... Времена для Ордена нынче тяжкие, сам понимаешь. Так что если надумаешь, – капеллан залез в нагрудный карман и вытащил небольшой картонный прямоугольничек, – то вот тут телефонный номер. Или заходи к нам на Галерную. Будешь в юнкерское поступать – замолвлю за тебя словечко. А ежели пожелаешь в солдаты, вольноопределяющимся, – это мы тебя хоть завтра возьмем... Но я бы не советовал. – Капеллан едва заметно усмехнулся. – Все-таки образование – дело первостепенное, а служба от такого молодца точно никуда не денется.

– Бери! – Городовой зачем-то толкнул меня под локоть, будто я мог отказаться от такой милости. – Орден два раза не предлагает!

Не то чтобы я собирался бегом бежать вербоваться в солдаты или поступать в военное училище – но визитка явно меня ни к чему не обязывала. Впрочем, как и капеллана: вполне возможно, жест с его стороны был исключительно проявлением вежливости, и всерьез участвовать в судьбе бравого – а может, и просто сверх меры везучего – гимназиста никто не собирался.

Будто у Ордена нет работы поважнее, чем возиться с не

нюхавшими пороху пацанами.

— Благодарю, ваше преподобие. — Я убрал визитку в карман кителя. — Может быть, еще увидимся.

— Очень на это надеюсь, Владимир. А теперь, любезные, прошу меня простить. — Капеллан чуть склонил голову. — Служба не терпит.

От рукопожатия он воздержался — то ли мы с городовым не вышли сословием, то ли подобное вообще было не принято в этом мире. Так или иначе, разговор явно завершился, и нам всем оставалось только прогуляться обратно до проспекта. Капеллан бодро ускакал вперед — так, будто прекрасно видел даже в темноте. А мы с городовым чуть отстали — я даже чуть замедлил шаг, чтобы старик ненароком не запнулся об какое-нибудь вросшее в землю надгробие.

— Владимир, значит, — негромко проговорил он. — У меня сына старшего так же зовут... Звали. Погиб в четвертом году в Порт-Артуре. Снарядом убило.

Ага. Значит, русско-японская в этом мире тоже была. Помнил я Порт-Артур — еще как помнил. И снаряды, и пулеметы, и штыковые атаки... Как только цел остался. Впрочем, здесь-то как раз все могло случиться и по-другому: император Александр не зря назывался Миротворцем — в войну без повода не лез, даже после всех армейских реформ. Но если уж закусился с японцами — значит, так, что клочки летели. С искрами вместе.

Мог победить? Еще как мог.

– Хороший парень был... На тебя похож чем-то, только постарше. – Городовой крикнул и полез в карман кителя – наверное, за папиросами. – Видать, судьба у него такая, солдатская. У нас, Владимир, вся семья из служивых. Средний на Кавказе сейчас, уж целого фельдфебеля дали, да еще и с медалью. А младшенький, Алешка, – в кадетском корпусе.

Я молча кивнул – никакого другого вмешательства в диалог от меня, похоже, не требовалось. Городовой словно беседовал сам с собой, и слушать его было и вовсе не обязательно... Но я все равно слушал. И не потому, что рассказ про семью оказался таким уж интересным, – просто на большее измученного разума уже не хватало.

Слишком уж много событий вместил сегодняшний день... да еще и в двух мирах. Слишком сильно этот Петербург отличался от того, который я знал и помнил, – при всем внешнем сходстве. Прорывы, выползающие из них разномастные и разнокалиберные твари, таинственные капелланы из Ордена Святого Георгия, наделенные даром зашивать прорехи в реальности, аристократы с магическим талантом прожигать взглядом шведские фрегаты – и наверняка перечень непривычных странностей на этом не заканчивался, а только лишь начинался.

И поэтому мой уставший разум упрямо выталкивал все чуждое и цеплялся за простые и понятные вещи.

– А сам я, значит, отставной зауряд-прапорщик Восьмого гренадерского московского полка, – оттабанил городовой,

будто по бумажке прочитал. – Игнатов Степан Васильевич.

Я пожал протянутую руку – широкую и еще не по-стариковски крепкую. Мой новый знакомый уже давно снял унтер-офицерские погоны, но ни сил, ни воинской удали, похоже, не утратил – судя по тому, как лихо бросился на жабу с одним наганом.

– Давно из полку в отставку вышел, лет пятнадцать уж прошло, – продолжил он. – Но службу государеву исправно несу – и буду нести, куда силенки есть.

– Вам силенок не занимать, Степан Василич, – улыбнулся я. – На троих молодых хватит.

– Да если бы так, Владимир. Руки еще работу свою помнят – да глаза подводят. И ногу все чаще прихватывает. Весной и летом еще ничего, а как осень – так хоть ложись помирай. – Степан Васильевич протяжно вздохнул и чуть замедлил шаг. – Видать, осколок шевелится. Еще с турецкой войны прямо над коленом застрял. На Дунае тогда прилетело... Доктора заштопали, а доставать не стали. Сказали – хуже будет... Уж тридцать лет прошло – а все никак покою не дает, зараза такая.

Степан Васильевич чиркнул спичкой и через мгновение выпустил целый клуб сизого дыма. Я тоже встал на месте: до ограды оставалось каких-то два десятка шагов, и все же не хотелось оставлять старика на кладбище одного – да еще и раненого. Похоже, прокушенная жабой рука не слишком-то его беспокоила, хотя и выглядела жутковато.

– Вам бы к доктору, Степан Василич. – Я указал на перемазанный кровью рукав кителя. – Перевязать. Или лекарств каких.

– Это? Да ерунда, если кость цела – дырка сама зарастет. Жаба не ядовитая... Вот если упырь цапнет – там да, маяться будешь, а то и вовсе гангрена пойдет. – Степан Васильевич пыхнул в темноте папиросой. – А ты меня по имени-отчеству не величай, Владимир – не привык я к такому. Лучше дядькой Степаном зови, как все тут.

– Как скажешь, дядька Степан, – отозвался я. – Но за рукой все-таки приглядывай. Сляжешь – кто нас от жаб защитит?

– Да уж есть кому, я погляжу. – Старик негромко рассмеялся. – Ладно уж. Беги домой, Владимир, нечего тебе тут со мной на кладбище торчать.

Я не стал возражать – и двинулся к калитке, а за ней обратно к обломкам трамвая. Солдаты уже успели убрать крупные куски и даже увезти тушу жабы – видимо, как-то подняли в грузовик. Прохожие давно разошлись, и о недавнем побоище напоминала только здоровенная лужа темной жижи и разбросанные повсюду деревянные щепки. Спасенная мною из трамвая девчонка, конечно, тоже не стала меня дожидаться – от нее и след простыл. Но там, где я ее оставил, на асфальте что-то белело.

Подойдя поближе, я разглядел в темноте платок. Из тонкой, чуть ли не прозрачной ткани с кружевами по краям –

явно ручной работы. Да еще и с вышитым на уголке золотыми нитками вензелем... Настолько вычурным, что я даже не сразу смог распознать две буквы – Е и В.

Девушки из мещан таким баловались редко. Такой платок скорее могла обронить дочь какого-нибудь купца – а то и вообще титулованная аристократка... И что эта фифа забыла в трамвае – да еще и на ночь глядя?

– Е. В., – пробормотал я, рассматривая золотые инициалы. – Е. В... Кто же ты такая?

Глава 6

Проснулся я от яркого солнца. Оно не только светило прямо в глаза, но и за утро успело превратить комнату чуть ли не в парилку. Воздух нагрелся так, что голова уже немного болела. И я сначала перевернулся на бок, сбросил тяжелое и мокрое от пота одеяло – и только потом открыл глаза.

Вчера меня не хватило даже нормально сложить одежду. Я просто выскочил из ботинок, швырнул брюки с кителем на стул, промахнулся – и не стал поднимать. На ощупь отыскал в темноте кровать, плюхнулся на нее и тут же отключился. Обдумывать все произошедшее за день не осталось никаких сил, и перегруженный мозг ушел в аварийную отключку даже чуть раньше, чем голова коснулась подушки.

Вчера. Зато сейчас я не то чтобы выспался на все сто, но хотя бы восстановился. Вполне достаточно, чтобы как следует рассмотреть жилище гимназиста Володи Волкова.

Точнее, теперь уже мое.

И зрелище было, надо сказать, печальное. Похоже, доходы не позволяли снять что-то поприличнее, и бедняге пришлось устроиться в мансарде. Из-за небогатой обстановки комнатка выглядела довольно просторной – зато располагалась буквально под самой крышей. Железо наверху нагревалось, и летом здесь наверняка было до ужаса жарко. А зимой, наобо-

рот, холодно, как на Северном полюсе. Не случайно Володя вдобавок к трубе центрального отопления обзавелся еще и крохотной печкой-буржуйкой в углу.

Умывальник с раковиной, выдавший вида шкаф с царапинами на обеих дверцах, примерно такого же вида письменный стол с комодом, керосиновая лампа, пара стульев и ковер на полу – то ли прожженный в нескольких местах, то ли погрызенный мышами. Вот и все внутреннее убранство.

Впрочем, и с ним еще предстояло разобраться. Я поднялся с кровати, плеснул себе в лицо несколько горстей холодной воды из умывальника. И уселся за стол – больше всего меня интересовало его содержимое. Выдвигая верхний ящик, я на мгновение испытал что-то вроде стыда. Будто рылся в чужих вещах без ведома хозяина... Но я уже отобрал у бедняги самое ценное – и вдаваться в прочие этические нюансы не было ровным счетом никакого смысла.

Добыча оказалась так себе: несколько учебников, около десяти рублей купюрами и мелочью, перья, засохшая чернильница и тетради. В самом нижнем ящике под толстой книгой отыскан сложенный вчетверо листок – уже потрепанный по краям и даже чуть пожелтевший. Похоже, он лежал тут с зимы, а то и дольше.

Письмо?

«Дорогой мой Володя!

По твоей просьбе высылаю тридцать рублей. Хотя мы

с Николаем Сергеевичем и совсем не богаты, у меня сердце сжимается от одной лишь мысли, что мой племянник будет в чем-то нуждаться.

И все же должна напомнить, что тебе следует быть разумнее в тратах. В следующем году мы уже не сможем платить за твое обучение, но бросать гимназию нельзя никак. Подумай о будущем, Володя! В твои годы порядочные юноши уже вполне в силах содержать себя сами. В столице даже репетиторство может приносить неплохой заработок. А если уж у тебя не лежит душа к преподаванию – то и любая другая работа не окажется лишней. Нет никакого стыда в том, чтобы честно добывать свой хлеб – хоть бы и коробки таскать, и метлой мести.

Прошу тебя, Володя, будь благоразумен! Моей вины нет в том, что отец с матерью не оставили тебе ничего, кроме дворянского достоинства. Но мы с Николаем Сергеевичем печемся о твоей судьбе и всегда поможем – по мере сил. Петербург не зря называют городом соблазнов, и если уж столичная жизнь придется тебе не по вкусу – возвращайся домой. В Пскове тебя всегда примут.

А пока – удачи тебе и сил, родной.

Безмерно любящая тебя тетя Т.».

То ли Татьяна, то ли Тамара, то ли... Похоже, моя единственная родня – да еще и из другой губернии. Я будто увидел всю биографию Володи Волкова – разом. Смерть роди-

телей, переезд из провинции в столицу. Год или два в гимназии. Ни близких, ни друзей семьи... ни собственных, похоже, если уж меня одного лупцевали сразу втроем и никто не спешил на помощь. Только учеба, книги и нехитрые юношеские развлечения.

И не самый приятный выбор: то ли идти вкалывать по вечерам за гроши, то ли возвращаться в Псковскую губернию и садиться на шею дяде с теткой. Из наличности – рублей пятнадцать от силы, и из тех половину наверняка уже скоро придется отдать за эту самую комнатушку под крышей. В общем, крутись как хочешь.

Хорошо хоть за обучение платить не надо... пока что.

Я бросил письмо обратно в ящик и вернулся к умывальнику, рядом с которым висело небольшое зеркальце. Оттуда на меня взглянуло знакомое и уже почти привычное лицо – чуть заспанное, с растрепанными волосами и пробившейся на подбородке и над верхней губой щетиной. Совсем юное, еще мальчишеское, чужое...

Но не совсем. Что-то изменилось – будто тот, кто еще вчера был самым обычным гимназистом, за одну ночь возмужал и даже стал старше. Немного, может, на год или полтора – наверняка однокашники, учителя и знакомые ничего не заметят. Даже родная тетка вряд ли смогла бы разглядеть в чертах Володи что-то новое, раньше ему не свойственное. А если и смогла бы – наверняка списала на долгую разлуку и столичную жизнь.

Зато я видел – все до мельчайшей детали. Крохотные морщинки в уголках глаз, едва заметную складку на лбу. Поблескивающий на фоне темно-русой гривы седой волос. Чуть заострившиеся скулы. И взгляд – тяжелый и одновременно насмешливый, будто собственное отражение почему-то казалось новому Володе Волкову забавным.

Мой взгляд. На мгновение даже показалось, что где-то в глубине серых глаз мелькнула хищная желтоватая искорка – и тут же исчезла.

Тела тоже коснулись перемены. Нет, конечно, я не смог нарастить за ночь семь-восемь килограмм мышц – зато те, что имелись, заметно подтянулись. Мне еще не приходилось разглядывать себя без одежды, но я почему-то подозревал, что Володя Волков уделял физическим упражнениям не так уж много времени. А теперь шея, ключицы и плечи выглядели так, будто он регулярно греб на веслах, а вдобавок еще и любил помахать кулаками.

Неудивительно, что я дрых без задних ног. Новое тело использовало все ресурсы и каждое мгновение, чтобы хоть как-то приблизиться к тому, что было для меня привычным. Даже во сне разум и личность работали: внимательно оглядели все доставшееся богатство, разместили, как швейным карандашом, – и принялись понемногу перекраивать.

А кое-что подкинули и сразу: я вспомнил, как вчера дергал поручень в трамвае, спеша поскорее ринуться в бой с жабой. Если уж худым рукам гимназиста хватило сил порвать

металлическую трубу – значит кое-какие способности все еще при мне.

Пусть и не в полном объеме: за ночь ссадины затянулись, от синяков, наставленных сердитыми однокашниками, не осталось и следа и даже расквашенный вчера нос выглядел абсолютно нормально. Но едва ли я смог бы так же быстро залечить перелом или серьезную рану. Да и мышцы изрядно побаливали – перегрузка все-таки сказывалась.

А вот магия... С магией сложнее. Я все еще чувствовал ее, но как-то странно. Иначе, чем раньше. С одной стороны ясно и как будто даже чуть сильнее, зато с другой – дерганно и неровно. В моем родном мире энергии почти всегда не хватало, и ее приходилось направлять. Аккуратно, бережно прокладывая путь тоненькому ручейку, который порой мог и иссякнуть, не добравшись до цели. Ритуалы всегда были изящной и сложной работой – хоть порой и давали мощнейший эффект. И учиться этому приходилось годами – если не столетиями.

А здесь... Здесь энергия, можно сказать, ощущалась повсюду. Не то чтобы бурлила, но вместо того самого ручейка я вдруг будто окунулся в целую реку – и не слишком-то понимал, что с ней делать. Кое-какие штуки у меня бы наверняка получились...

Но проверять не хотелось – и не только из осторожности. За долгие годы я научился относиться и к собственным, и к потусторонним силам с изрядной долей уважения – и уже

давно не обращался к ним без крайней необходимости. Не знаю, как здесь, но в моем мире магия была дамой своенравной – и уж точно не любила, когда ее дергали по пустякам.

Любой, даже самый простой ритуал или заговор – не игрушка. Волшба не терпит ни суеты, ни панибратского отношения. И без надобности таким не занимаются. Полезешь без дела – магия накажет. Отдача замучает, да так, что мало точно не покажется.

Итак, что имеем в сухом остатке?

Другой мир и тело юноши, чуть ли не подростка. Худое – впрочем, как будто довольно крепкое для своих лет. Пустой кошелек, комнатуха в мансарде и портфель с книгами. Из богатства – одно лишь благородное происхождение, даже без титула. Не самые внушительные остатки прежних сил.

Зато времени – хоть отбавляй. Судя по наличию всяких жаб, упырей и леших, работы для... скажем так, специалиста моего профиля здесь найдется предостаточно, даже если Первая мировая не случится через положенные пять лет.

Но и забывать об основной задаче тоже не следует. Да, ритуал забросил меня куда дальше, чем я планировал, – во всех смыслах. И я пока не имел ни малейшего представления, сумею ли обратить его вспять. И возможно ли это вообще. В волшебстве и магических письменах я разбирался неплохо, но выкрутасы со временем требовали еще и немалых знаний физики, а эти пробелы я так и не смог восполнить даже за нечеловечески долгую жизнь. А значит – неплохо бы поис-

кать... себя.

Или хотя бы себе подобных. Тех, кто умеет не только пить пополам фрегаты огненным взглядом, но и разбирается в более тонких материях. Вот только... остались ли в этом мире такие вот великовозрастные старцы? Были ли вообще? Или, наоборот, их тут пруд пруди? И куда жизнь могла забросать тех, кого я помнил, – точнее, их местных «близнецов»?

Мы с шефом в тысяча девятьсот девятом году воевали в Персии. Двое так и застряли на Дальнем Востоке после русско-японской. Один в Европе, один за Уралом – ни связи, ни паролей-явок... В Петербурге – точно никого. Разбежались после Кровавого воскресенья. Может, и зря.

А может, и правильно – чтобы не смотреть, что тогда творилось со страной.

Радовало только одно: торопиться мне в любом случае оказалось уже некуда. Насмешливая судьба бросила меня буквально в никуда, но теперь, похоже, сжалилась и отсыпала достаточно дней, часов, а то и лет, чтобы хоть как-то обустроиться в этом мире. Выдохнуть, прийти в себя, оглядеться и уже потом – действовать. Заниматься тем, что я умею лучше всего...

Но потом, позже. А сейчас мне остается только собраться, привести в порядок костюм и отправиться в гимназию.

В конце концов, получить классическое образование никогда не поздно.

Глава 7

На этот раз никто не пытался вскрыть трамвай и добраться до его содержимого. Да и в целом утро выдалось из приятных: погожее, теплое и какое-то... яркое, что ли. Даже шум и суета на улицах ничуть не раздражали, а наоборот – вдруг показались приятными. Хоть я их и не любил столько десятилетий подряд, что уже сам забыл, когда дело обстояло иначе.

Может, и вовсе никогда.

Но теперь я почему-то ощущал отчаянное желание быть частью всего этого. Не тащиться в трамвае, а пройти пешком по тротуару, а то и прямо по лужам, оставшимся после ночного дождя. Жмуриться от блеска витрин, отражающих яркие солнечные лучи, потолкаться плечами с прохожими. Послушать недовольную ругань – и самому огрызнуться в ответ. Вдоволь поглазеть на местных барышень...

Я и из вагона вовсю пялился на шагавшие по улицам стройные фигурки. Укутанные в шали, одетые в симпатичные короткие кафтанчики из недорогой ткани или в изящные плащи. Или в весенние пальто из тонкой шерсти – в таких щеголяли девчонки из семей побогаче. Глаза буквально разбегались от красоты за стеклом, и мысли о важных и местах даже срочных задачах вылетали из головы сами собой.

Володя Волков исчез, но оставил мне весьма заметный недостаток – молодость. И пусть тело понемногу подтягивалось к сознанию древнего старикана, которым я был в своем мире, – в обратную сторону эта связь тоже работала на отлично.

Гормоны никто не отменял.

Впрочем, на странно-развеселый настрой влияли не только они. Весеннее утро вдыхало радость даже в самых пожилых моих соседей по вагону. Улыбался чуть ли не каждый – включая усатого дядьку-кондуктора, который в обмен на положенные три копейки вручил мне билет.

Шесть семерок подряд: счастливый билет! Хоть по-петербургски, хоть по-московски, хоть как угодно. Да еще и два раза по «три топора». Не знаю, как здесь, но в моем родном мире обзавестись таким билетиком считалось хорошей приметой. Я куда лучше обычных людей знал цену подобным суевериям – и именно поэтому никогда не пренебрегал ими полностью. Конечно, кусочек тонкой бумаги с гербом и циферками сам по себе не мог принести какую-то особенную удачу, но если чуть усилить, добавить числу капельку настоящей магии...

Почему бы и нет, в конце концов? Я лишился немалой части сил, да и сам по себе задуманный мною фокус был скорее игрой, шуточным обрядом. Этаким хулиганством, а не полноценным рунным колдовством... Да и в рунах я никогда не был особенно силен: древняя скандинавская магия всегда

подчинялась нехотя – не то что наша, родная.

Вряд ли у меня сейчас вообще получится хоть что-то. А если эффект и будет, то самый что ни на есть пустяковый. Но если испытывать себя – лучше начинать с малого, ведь так?

Отогнав чахлые сомнения, я расправил билет на ладони и ногтем выдавил на нем руну Феху. Одну продольную палочку и от нее еще две короткие – наискосок вправо, параллельно друг другу. Вышло чуть кривовато и даже больше похоже на современную латинскую F, чем на символ из старшего футарка. Конечно, я мог бы слазить в портфель за карандашом или использовать хоть ту же пыль с оконной рамы – эффект куда больше зависит не от материала, а от самого контура.

И, конечно же, – от заклинателя.

Стоило мне закончить рисовать и сжать билет в кулаке, как трамвай дернулся и вдруг остановился как вкопанный. Я успел ухватиться за поручень, а вот остальным пассажирам повезло меньше. Те, кто сидел, синхронно качнулись вперед, а остальные с криками посыпались друг на друга, кто-то даже свалился на пол. На меня сбоку обрушился солидный господин в шляпе. Который, впрочем, тут же вернул равновесие и принялся ругаться.

– Вот же ж... – выдохнул он мне чуть ли не прямо в ухо. – Что за остопоп в кабине?

– Не извольте беспокоиться, сударь. – Кондуктор оттеснил кого-то плечом, прокладывая путь к выходу. – Сейчас же разберемся, непременно.

Кто-то из пассажиров поспешил выбраться наружу – видимо, чтобы своими глазами увидеть, что помешало трамваю ехать дальше. Я предпочел не дергаться: стоял и ждал, пока кондуктор снова не подал голос.

– Рельсы разошлись! – прокричал он откуда-то спереди. – Вагон дальше не идет! Приносим свои извинения, судари и сударыни.

– Как всегда... Хотя бы деньги вернули, – буркнул господин в шляпе.

И буквально понес меня к выходу, подталкивая изрядным пузом. Я не сопротивлялся, и через несколько мгновений исходящий из трамвая людской поток выбрался на асфальт, а оттуда на тротуар. Я едва смог увернуться от стремительно приближавшейся лужи у поребрика – ботинок пришлось ставить чуть ли не прямо в мутную жижу.

И там, внизу, под слоем воды и уличной грязи, что-то едва заметно блеснуло. Повинуясь внезапному наитию, я пропустил вперед господина в шляпе, наклонился – и поднял монету.

Золотой империал. Десять рублей с чеканным профилем государя Александра. Почти половина оклада дворника или городского из низших чинов – вроде моего нового знакомого Степана Васильевича. Я выпрямился и замер, сжимая драгоценную находку в кулаке. Но не из страха, что кто-то признает ее своей и потребует отдать, – нет, совсем не поэтому.

Руна сработала – и еще как. Не изящным стечением обсто-

ятельств и капелькой удачи, а грубо, топорно. Магия перекраивала бытие под мои нужды широкими стежками: оставила трамвай, чуть ли не силой забросила меня в лужу – и подложила под ногу монету. Любого другого подобное, конечно же, только бы обрадовало, но я слишком хорошо знал, какие у такой удачи могут быть последствия.

Вселенную не обманешь. Вся наша жизнь – по сути, лишь череда наших собственных поступков и случайностей, и от человека зависят только первые. Вторые подчиняются одной лишь теории вероятности. В сущности все, на что способно колдовство, – незначительно сгустить в отдельно взятой временной точке то, что люди обычно называют везением. Можно сказать, взяв его взаймы у будущего – которое непременно потребует вернуть долг с процентами. Сильный заклинатель сумеет в некотором роде «размазать» грядущую череду неудач на несколько дней, сделав ее почти незаметной.

Возможно, на этот раз магия решила выстроить случаи парами и сразу же наградила меня за сломанные трамвайные рельсы... А возможно и нет, и за удачную находку еще только предстоит расплачиваться. Как бы то ни было, откатить колдовство обратно я уже не мог, и оставалось только шагать дальше по Садовой улице – на всякий случай поглядывая по сторонам.

А посмотреть тут определенно было на что. Мужчины и взрослые тетки в бесформенных кафтанах и шальях дружно куда-то исчезли, и теперь навстречу попадались только дев-

чонки. По большей части ровесницы Володи Волкова – или на несколько лет постарше. Магия и здесь сработала без особых изысков и будто согнала ко мне красоток со всех соседних улиц... если вообще не с Невского.

И все до единой улыбались – мне. Сердце тут же заколошматило от окружающего изобилия, но я все-таки взял себя в руки и шагал осторожно, заранее обходя любые неровности на асфальте – на тот случай, если игривой фортуны на этот раз вздумается подбросить мне под ноги не золотой империял, а барышню из какого-нибудь местного института благородных девиц.

– Лотерея! – завопил какой-то пацан, призывно размахивая руками. – Государственная денежная лотерея! Никакого обмана! Не проходите мимо, сударь!

Судьба явно заготовила для меня еще пару подарков – оставалось только развязать бант. На мгновение где-то внутри даже мелькнула мысль свернуть и приобрести билет, но я тут же без всяких сомнений прогнал ее прочь.

Мироздание вполне могло простить мне десять рублей золотом, а вот за несколько тысяч наверняка спросит так, что небо покажется с овчинку.

Но и расплата за империял пришла – хоть и не сразу. Всю дорогу до Чернышева переулка по пути попадались весьма прозрачные намеки на обогащение, полезное знакомство или амурный интерес, но стоило мне свернуть к гимназии, как все это закончилось. Красотки остались за спиной, на

Садовой, – а под ведущей на площадь аркой со львом меня ждала уже не самая приятная встреча. Похоже, как раз одна из тех, от которых никак не получится отказаться.

Даже если очень захочется.

– Эй, студиозус! – От стены отделилась мрачная фигура. – Закурить не найдется?

– Увы, любезный. – Я пожал плечами. – Не курю.

Всего я насчитал четверых парней – невысоких, но плечистых, явно на пару-тройку лет старше даже выпускников гимназии. Да и одеты они были так, что перепутать их с одноклассниками мог бы разве что слепой: в лихо заломленные на затылок картузы, непонятного цвета брюки и короткие куртки явно рабочего происхождения. Достаточно свободные, чтобы махать кулаками – а то и спрятать под ними короткую дубинку или что-то посерьезнее.

Помнится, таких парней в моем мире тогда называли хулиганами или, на французский манер, апашами – слово «гопники» появилось позже, уже при Союзе.

Наверняка они остановились здесь не просто так, а поджидали опоздавших в классы, чтобы разжиться папиросами или парой монет. Улов вряд ли оказывался особенно богатым – зато и добычей одинокие гимназисты были легче некуда.

Ну... обычные гимназисты.

– А денежкой не выручишь? Надо бы сударей уважить.

Самый рослый – явно главарь – сплюнул на асфальт и дви-

нулся ко мне. Вразвалочку, неторопливо – видимо, чтобы дать жертве вдоволь напиться страхом. Но я не стал дожидаться, пока его свора выстроится вокруг – как это обычно и бывает в таких случаях.

Как известно, если драки не избежать – определенно есть смысл ударить первым.

Крутанувшись на месте, я швырнул главарю в лицо портфель. Достаточно увесистый, чтобы удар оказался весьма ощутимым. И результат превзошел самые смелые ожидания: похоже, судьба еще не исчерпала свою милость и я угодил жестким кожаным ребром прямо в хрящ. Раздался влажный хруст, главарь выругался и, схватившись за разбитый нос, согнулся пополам.

Но остальным это даже не убавило прыти: трое хулиганов выскочили из-под арки и устремились ко мне, сжимая кулаки. Впрочем, добрались до цели не все: тот, что бежал первым, наступил на собственный распутившийся шнурок и грохнулся на асфальт. Второго я без особых изысков швырнул через бедро, а третьего встретил апперкотом. Тот наверняка умел неплохо драться, но в шаге от меня запнулся и сам буквально влетел подбородком в заботливо подставленный кулак.

Чистый нокаут. Мне снова повезло, да и прихваченные из старого мира силы работали как положено, наполняя тело легкостью, а разум – ощущением собственной запредельной крутизны. Которому я, впрочем, не доверял даже на мгнове-

ние. Своенравное колдовство, помноженное на мощь местной магической энергии, могло предать в любой момент. К тому же у меня было никакого желания дожидаться, пока кто-нибудь из любителей наживы полезет за ножом.

Поэтому драку следовало заканчивать. Быстро, жестко и максимально эффективно.

Одному из уцелевших я не дал даже подняться – врезал каблуком ботинка четко между шеей и плечом, снова отправляя на асфальт. Второй уже успел вскочить и замахнуться – его я ломал уже наверняка: нырнул под удар, ушел в сторону, перехватил руку за запястье и выворачивал, пока сустав с хрустом не выскочил из плеча. Парень с воплем упал на колено, а потом и вовсе завалился на бок и захныкал.

– Студиозус, блин... – Главварь явно сообразил, что в одиночку ему уже точно ничего не светит. – Как ты?..

– Делаю зарядку по утрам, – отозвался я, подбирая с асфальта портфель. – И вам рекомендую, любезные. Гимнастика порой творит чудеса.

А порой чудеса творятся и без нее: везение явно помогло мне и в драке... Хотя уже и не так навязчиво и мощно, как раньше. Видимо, вложенная мною в руну сила понемногу таяла, откатывая мой коэффициент везения обратно к средним или даже чуть ниже значениям.

И с этими самыми значениями мне предстояло прожить весь оставшийся день. А для начала повстречаться с Иваном Павловичем. Его благородие инспектор поджидал меня

у дверей гимназии – и вид при этом имел весьма и весьма плотоядный.

– Ну что, Волков, опаздываем? – Иван Павлович загордил мне дорогу. – Неужто остаться после классов захотел? Или тебя сразу в карцер?

– А может... – Я нашарил в кармане счастливый билет из трамвая. – А может, не надо меня в карцер, ваше благородие? Больше не повторится!

Пальцы едва ощутимо кольнуло – и сердитое лицо инспектора вдруг расплылось в добродушной улыбке.

– Ладно, Волков – прощу на этот раз. – Иван Павлович отступил в сторону и даже раскрыл передо мной дверь. – Давай, бегом на второй этаж – там уж началось.

Глава 8

В класс меня пустили без особых заморочек. Учитель – немолодой мужчина в штатском – только неодобрительно посмотрел, буркнул что-то из-под седых усов и загнал меня на самую последнюю парту. Но на этом силы руны иссякли окончательно. Я почти физически почувствовал, как ее магия отдала последние крохи – и стулья разве что не прыгнули в проход, грозясь зацепить ногу. Тесноватый правый ботинок тут же впился в пятку жестким краем, и даже настроение изрядно подсело. Разложив учебники, я достал билет – и ничуть не удивился его виду.

Бумажка выглядела так, будто лежала у меня в кармане полгода, а не каких-то полчаса с небольшим. Истрепалась, лишилась всех уголков и в некоторых местах протерлась чуть ли не насквозь. Даже цифры – шесть счастливых семерок – выцвели, и теперь я едва мог их разглядеть. Оттиск руны еще кое-как проглядывал, но теперь древний символ превратился в три криво нарисованные палочки и не излучал ни капли силы.

Счастливый билет отработал свое.

– Волков!

Сердитый голос вырвал меня из раздумий, и через мгновение над партой склонился косматый силуэт. Учитель исто-

рии чем-то напоминал стареющего льва – то ли седой непослушной гривой, то ли суровым взглядом, не сулившим мне ничего хорошего.

– Вижу, вам уже все прекрасно известно. В таком случае – не будете ли любезны рассказать остальным о переломном моменте в ходе войны тысяча девятьсот четвертого года?

– Эм-м-м... Порт-Артур? – наугад бросил я. – Продолжительная оборона...

– Можно сказать и так.

По вполне понятным причинам мой ответ не тянул даже на «удовлетворительно», и все же учитель почему-то остался доволен.

– Конечно, не стоит недооценивать успехи Уральского гвардейского корпуса в Маньчжурии, – уточнил он. – Многие до сих пор фактически приписывают победу в войне исключительно спешной переброске сил на Дальний Восток и решениям Генерального штаба.

Значит, все-таки победа. Чутье меня не подвело, и император Александр действительно справился с японской угрозой. Неизвестно, какой ценой – но справился. На мгновение я почувствовал... нет, не то чтобы радость, скорее что-то похожее на мстительное удовольствие – крепко меня зацепил в свое время Портсмутский мир.

Слишком крепко.

– Русские войска действительно не дали японцам развить успех в Маньчжурии, – продолжил учитель. – Но перелом-

ной точкой в войне следует считать именно прорыв блокады Порт-Артура двадцать первого октября одна тысяча девятьсот четвертого года. И последующее полное освобождение крепости в течение примерно двух недель, за которые третья японская армия генерала Ноги была фактически полностью уничтожена Уральским корпусом и гарнизоном под командованием Романа Исидоровича Кондратенко. Эти и дальнейшие события определили...

Учитель говорил негромко и монотонно – будто читал лекцию по бумажке. И большинство моих одноклассников изрядно клевали носом. Зато я слушал внимательно, разве что не затаив дыхание. Историю – ту, которую не просто знал, но и когда-то видел собственными глазами. И даже принимал участие.

Впрочем, здесь все мои воспоминания вековой давности стоили не так уж много. Я то и дело выцеплял из убаюкивающей речи учителя знакомые имена, фамилии, чины и географические названия – но чуть ли не большую часть слышал впервые.

После победы при Порт-Артуре японцы растеряли остатки инициативы – и их в конечном итоге вышвырнули с Квантунского полуострова в Корею, уже оттуда гнали до самого побережья, а весной девятьсот пятого окончательно опрокинули в море.

Впрочем, немалой ценой: потери даже среди высшего офицерского состава были огромными. Наделенные Талан-

том аристократы, конечно же, не шли в первых рядах, но все же нередко использовали способности, чтобы переломить ход боя – порой ценой жизни. Даже сам император Александр лишился на фронте двух наследников: Михаила, который командовал гвардейским полком.

И старшего, Николая, которому в этом мире так и не суждено было занять престол.

Если память мне не изменяла, остальные сыновья государя к нынешнему году тоже уже скончались – во всяком случае в моем мире. Но задуматься о делах престолонаследия я не успел: учитель уже перешел к морским сражениям девятьсот пятого года.

Из известных мне осталась только Цусима, которая случилась в апреле – примерно на месяц раньше положенного. Эскадра под командованием уцелевшего в Порт-Артуре адмирала Макарова значительно уступала японцам в скорости – зато количеством превосходила чуть ли не вдвое. По словам учителя, именно это и предрешило ход морского сражения. Русские моряки победили, захватив чуть ли не полтора десятка судов, включая броненосцы первого класса.

После такого удара Япония уже не оправилась.

– Но до окончательного поражения врага тогда еще осталось почти полгода. – Учитель развернулся на каблуках, заложил руки за спину и неторопливо зашагал обратно к доске. – Сражения на территории Японии продолжались до начала ноября девятьсот пятого года, и на стороне российской

армии выступили самураи под предводительством Харусады из рода Токугава. Который и заключил с императором Александром тайный союз.

Ничего даже близко похожего я уже, конечно, не помнил – в моем мире все сложилось иначе. И если у России и были союзники по ту сторону Японского моря, они так и не смогли повлиять ни на ход войны, ни уж тем более на ее итог.

– По условиям договора государь в обмен на поддержку и военную помощь союзных княжеских родов должен был способствовать восстановлению власти сёгуна, которую род Токугава утратил еще в середине девятнадцатого века.

Это я помнил. Гражданская война в Японии продолжалась полтора года – и последний в истории сёгун ее проиграл. Вероятно, и здесь случилось примерно то же самое. С той только разницей, что местные самураи помнили старые обиды куда дольше – и даже пошли против собственной страны, чтобы вернуть власть.

– Так и случилось, – продолжил учитель. – Японский император Мэйдзи подписал капитуляцию в Киото восемнадцатого октября одна тысяча девятьсот пятого – этот день и принято считать завершением войны. Хотя боевые столкновения и продолжались до самого начала следующего года, они уже не носили систематический характер, и участие в них принимали по большей части не солдаты российской армии, а местные силы под командованием сёгуна.

– Иван Павлович! А что случилось с японским императо-

ром? Самураи его убили?

Рослый и плечистый парень с коротко стриженным затылком, сидевший через одну парту впереди меня, вытянул руку. И даже чуть приподнялся со стула – видимо, так сильно интересовала его судьба побежденного монарха.

– Убили? – усмехнулся учитель. – Нет, конечно же. Японцы считают своего императора чуть ли не живым божеством. Впрочем, реальной властью трон в Киото не обладал уже сотни лет, и едва ли хоть кому-то была бы хоть какая-то польза от его... устранения. Скорее уж, нового правителя интересовало другое.

Учитель на мгновение задумался – видимо, пытался вспомнить какие-то имена или даты, но так и не смог.

– Фактически итогом войны для Японии стало упразднение парламента и ограничение полномочий кабинета министров. Но в первую очередь – восстановление власти сёгуна в лице Харусады Токугавы и привилегий сословия самураев. Таким образом, несмотря на активные возражения со стороны Великобритании и отчасти – Соединенных Штатов Америки, в Японии снова сменилась форма правления. С того, что принято называть конституционной монархией, – обратно на военную диктатуру аристократов.

– Диктатуру? – Здоровяк на парте впереди снова поднял здоровенную ручищу. – Но это же... получается – это плохо? Так, Василий Алексеевич?

Парню явно не слишком-то легко давался урок. Он то ли

не блистал врожденным умом, то ли просто не понял часть мудреных слов – потому и зацепился за одно из знакомых.

– Плохо? Пожалуй, можно сказать и так. Хотя и не нам с вами, Фурсов, осуждать друзей государя. – Учитель улыбнулся и покачал головой. – Как бы то ни было, при всей сомнительности своих методов самураи способны удержать власть и навести порядок. В каком-то смысле в Японии до сих пор тлеет гражданская война, и сторонники парламентской системы опираются на интересы некоторых европейских держав. А сёгун Токугава, в свою очередь, нуждается в союзе с императором Александром и будет отстаивать интересы российской короны на Востоке.

Видимо, учитель сам любил эту тему: его голос оживился, да и сама речь стала куда занятнее – не заученной лекцией, а, скорее, рассуждением. Не то чтобы в совсем уж вольной форме, и все же куда менее похожей на зазубренные абзацы из учебника.

Впрочем, ничего удивительного. Современная политика всегда волновала умы куда больше того, что уже стало историей.

– И при всех различиях в географии, языке, культуре и даже форме правления как таковой, у России и Японии куда больше общего, чем может показаться на первый взгляд. – Учитель снова не торопясь направился от доски к дальнему концу класса. – Хотя сословие самураев нельзя считать абсолютным аналогом отечественного дворянства и даже аристо-

кратической верхушки в лице древних родов – сходство очевидно. Во-первых, и российские, и японские князья-даймё в большинстве своем происходят из военных и по сей день куда чаще предпочитают военную, а не гражданскую службу. А во-вторых...

– Талант, – догадался кто-то на первой парте. – Все князья обладают Талантом.

– Верно... Практически все, – довольно закивал учитель, даже не обратив внимания на формальное нарушение дисциплины. – Но общие черты, конечно же, прослеживаются не только в этом. И российское, и японское общество построены на традициях – и потому оба они в той или иной форме противопоставлены обществу западному... Впрочем, на этом мы останавливаться не будем. – Учитель, похоже, сообразил, что его уже изрядно унесло в сторону от основной темы занятия. – Также из очевидных сходств следует отметить военизированную составляющую... Обратите внимание, господа: даже в вашей гимназической форме можно увидеть черты армейского мундира.

Учитель для пущей убедительности указал на лацканы собственного пиджака, который, впрочем, как раз имел крой исключительно гражданский.

– И дело, конечно же, не только в последствиях недавней войны, которая затронула обе великие державы. Но также и в общей проблеме, с которой мы столкнулись позже. И Япония, и Европа – и все же в первую очередь наша с вами стра-

на – Россия.

– Прорывы... – пробормотал кто-то с задних рядов.

– Верно. – Учитель снова удовлетворенно закивал. – Но о них вам лучше расспросить Никиту Михайловича в классе естественной истории... Его урок как раз следующий после моего.

Глава 9

– Ну что, продолжим, господа гимназисты?

В отличие от своего седовласого и солидного коллеги, Никита Михайлович – учитель естественной истории – выглядел не выдавшим виды, а, скорее, наоборот, слишком уж молодым и свежим для своей должности. И то ли беззаботным, то ли обладавшим какой-то особенной легкостью, которую люди с годами обычно утрачивают. Он тоже носил гражданское – и, похоже, был тем еще модником.

На учителе оказалась белоснежная манишка – а может, и самая настоящая сорочка из тонкой ткани. Узкий длинно-полый пиджак: не просто темный, а черный как уголь, явно сшитый на заказ и совсем недавно. Брюки из той же ткани и блестящие лакированные ботинки. Пижонский облик дополняла цепочка часов, свисающая из кармана, – вряд ли золотая, однако уж точно не из дешевых.

Не знаю, требовал ли местный устав от учителей стричься коротко, но если и так, Никите Михайловичу позволялось нарушать требования: волосы он отрастил до самых плеч и расчесывал так, что они лежали изящными темными локонами, обрамляя безусое лицо. Может, и не слишком красивое, зато из тех, что принято называть «породистыми». Вздумай такой фронт преподавать в какой-нибудь женской гимназии

– наверняка разбил бы немало девичьих сердец.

Впрочем, и местные пацаны его, похоже, любили. То ли за вольные манеры, то ли за мягкий характер, то ли потому, что Никита Михайлович сам был похож на гимназиста – разве что немного постарше... А еще он, похоже, умел действительно интересно рассказывать – даже о самых скучных вещах.

– Прорывы? – Никита Михайлович картинно наморщил лоб. – Надо сказать – не самая простая тема. Современная наука пока не способна ответить на многие вопросы. И делиться с еще не окрепшими умами собственными домыслами и предположениями было бы...

– Просим! – тут же хором завопили неокрепшие умы на первых партах. – Неужто вы не знаете?

– Должен признаться, что доподлинно мне известно лишь немно-о-огое... – протянул Никита Михайлович, но тут же улыбнулся и с явной охотой продолжил: – Кто-то считает Прорывы божьим наказанием за человеческие грехи. Кто-то – вратами в другие миры, которые нам однажды суждено посетить и исследовать. Кто-то – особой точкой в пространстве, собирающей и излучающей энергию, способную наделять некоторых людей Талантом.

Никита Михайлович сделал самую настоящую театральную паузу – видимо, думал, что его тут же начнут засыпать вопросами. Но вместо этого господа гимназисты, наоборот, притихли – и оставалось только рассказывать дальше.

– В каком-то смысле прав каждый из них. Прорывы действительно опасны – и не только из-за тварей, которые из них вылезают, но и сами по себе. И они действительно напрямую связаны с энергией. – Никита Михайлович подхватил со стола указку и крутанул ее в руке. – Во всяком случае даже самые скромные из ученых умов способны увидеть прямую связь между Прорывами и необычными Талантами людей, которых принято называть Владеющими. И пусть пока наука не в силах объяснить природу этой закономерности – само ее существование является неоспоримым фактом, милостивые судари.

– Как же так, Никита Михайлович? – снова подал голос уже знакомый мне здоровяк по фамилии Фурсов. – Выходит, Таланты у родов – это все Прорывы и энергия, а не святая благодать? Так, получается?

– Может статься, что и так, Дмитрий, – хитро улыбнулся Никита Михайлович. И тут же добавил полушепотом: – Только на законе божьем не ляпни, брат. А то отец Андрей тебя из класса выгонит.

Гимназисты хором засмеялись, и я, кажется, начал сообщать, за что на самом деле местная братия так жалуется учителя естественной истории. Одной репутации вольнодумца и знатока вполне хватало, чтобы завоевать немалый авторитет, – а уж в комплекте с эффектной внешностью и таким романтическим флером подобное и вовсе превращало Никиту Михайловича чуть ли не в божество.

– И это ни в коем случае не домыслы, а наблюдения. Свершившийся факт. Первые упоминания о Владеющих появились задолго до Рождества Христова. Сверхчеловеческие возможности и силы приписывались, к примеру, египетским фараонам, которые в те времена считались прямыми потомками богов. – Никита Михайлович уселся прямо на учительский стол. – Но я не уверен, что все эти папирусы можно считать надежным источником. Средневековые летописи заслуживают немногим больше доверия, однако их сохранилось слишком много, чтобы все до единой оказались выдумкой. И именно эту эпоху в современной естественной истории и принято считать положившей начало всем Талантам. И – как следствие – именно тогда и появились династии Владеющих, которые теперь носят княжеские титулы.

– Так давно? – удивился кто-то. – А как же царь Петр?

– Петр Великий действительно обладал могучим Талантом. И изрядным талантом политика: именно он первым из российских государей начал присваивать княжеские титулы своим соратникам – в том числе и тем, кто не был Владеющими. Как вы понимаете – это понравилось не всем. Как раз в те годы и стало особенно модно изучать свою родословную... Тогда чуть ли не каждому хотелось, чтобы его предком оказался древний герой – легендарный князь или какой-нибудь рыцарь. – Никита Михайлович вскочил со стола и изобразил указкой пару фехтовальных движений. – И даже сейчас прямых потомков Рюрика и Вещего Олега официально насчи-

тывается чуть ли не несколько сотен.

– И это все правда?

– Как знать. – Никита Михайлович пожал плечами. – В конце концов, от тех времен остались по большей части только легенды. О великих богатырях, победивших Змея Горыныча и еще парочку тварей пострашнее... Вероятно, Прорывы тогда случались нередко – но потом почему-то практически исчезли. Последний случай до недавнего времени был отмечен, кажется, в одна тысяча семьсот тридцать четвертом году. – Учитель наморщил лоб и на мгновение задумался. – И примерно тогда же в самой обычной крестьянской семье родился ребенок с особым даром.

Что-то в этом роде рассказывал и Степан Васильевич – только не упоминал о детях. И, уж конечно, не пытался проводить параллели между этими двумя явлениями.

Которые, судя по всему, были – и еще какие.

– Но теперь Прорывы снова появились! – крикнул кто-то с первой парты. – И дети снова...

– Именно так. Именно! – Никита Михайлович торжествующе вытянул руку с указкой. – В последние годы мы снова наблюдаем Прорывы – и детей, у которых в семь-восемь лет проявляется Талант – при том, что ни один из родителей, бабушек, дедушек или ближайшей родни не был Владеющим! И какой вывод следует из этого сделать?

– Что Прорывы и Талант связаны? – осторожно спросил Фурсов.

– Верно, Дмитрий. – Никита Михайлович удовлетворенно кивнул. – Quod erat demonstrandum – что и требовалось доказать... Еще вопросы?

– У меня. – Я поднял руку. – К чему это все может привести? Если Прорывов становится больше, и сами они становятся крупнее – нас ждет... что-то вроде одной огромной дыры?

– Не хотелось бы, верно? – усмехнулся Никита Михайлович. Однако продолжил уже куда серьезнее: – Пока мы едва ли в силах предсказать ход событий. Появление Прорывов действительно может привести к катастрофическим последствиям – но точно так же они могут просто взять и исчезнуть без следа, как и сотни лет назад.

– Вряд ли это случилось само по себе, – буркнул я себе под нос.

– Не исключено. – Никита Михайлович тут же закивал, будто ждал подобного замечания. – Но если и так – никаких свидетельств с тех пор не осталось. А то, что сохранилось, куда больше похоже на сказки, чем на полноценные исторические документы... Впрочем, их вы наверняка знаете не хуже меня. Как и то, что даже самые серьезные летописцы были склонны... скажем так, к преувеличениям, – усмехнулся Никита Михайлович. – Вспомните тех же былинных богатырей – Илью Муромца, Добрыню Никитича... Народный фольклор приписывает им такие силы, рядом с которыми даже Талант современных аристократов кажется не таким уж

и впечатляющим.

Зацепка! Крохотная – но все-таки: некоторые из нас изрядно наследили в истории – настолько, что кое-что попало даже в народный фольклор. Видимо, и в этом мире тоже... Впрочем, я мог только догадываться, кто именно стал прообразом для наполовину сказочных персонажей со знакомыми именами – и были ли это те же самые... личности.

Которые явно знали и умели побольше, чем нынешняя знать с огненными взглядами.

– Может, это аристократы уже не те, что раньше?

Я говорил совсем тихо – практически себе под нос, – но меня все-таки слышали. И однокашники, тут же принявшиеся хихикать со всех сторон, и сам Никита Михайлович. Которого, впрочем, это ничуть не смутило.

– Может быть, Владимир, – весело отозвался он. – В конце концов, Владеющим во все времена порой приходилось вступать в брак с людьми без Таланта. И пусть родовитые аристократы испокон веков старались жениться исключительно на себе подобных – в последующих поколениях способности действительно нередко ослабевали. Если бы вы были знакомы с работами Грегора Менделя, я бы мог куда лучше объяснить... Впрочем, это уже относится к университетскому курсу, но никак не к гимназическому. – Никита Михайлович все-таки нашел силы одернуть себя и не унестись в запредельные научные дебри. – Но отчасти вы правы – Владеющие тысячу или больше лет назад действительно впол-

не могли быть заметно сильнее, чем сейчас... И все же кое-что невозможно объяснить даже этим. К тому же в былинах достаточно и очевидных преувеличений... Фигур речи, если хотите. Вспомнить того же богатыря Святогора: выше леса стоячего – ниже облака ходячего. – Никита Михайлович для пущей убедительности вытянул вверх указку, показывая за-предельный рост. – Не очень-то похоже на правду, разве не так, Владимир?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.